Библ.
15 4/6
Кн. У. Вып. 1

Бобр 15 4/6.

ТРУДЫ

Ярославской Ученой Архивной Комиссіи.

Книга IV. Выпускъ I.

Торжественное засѣданіе Ярославской Ученой Архивной Комиссіи

24 Мая 1912 г.,

ПОСВЯЩЕННОЕ

памяти пребыванія въ г Ярославлѣ

Земскаго ополченія 1612 г.

377/1

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-Литографія Н. Х. Николаевой. Зданіе Спасскаго монастыря.
1913.

Печатано по опредѣленію Ярославской Ученой Архивной Комиссіи
Предсѣдатель *Кн. П. Урусовъ*

БИБЛИОТЕКА
Государ Историч. Музея
№ 16
2 " I 1934 г.

Торжественное засѣданіе

Ярославской Ученой Архивной Комиссіи

24 Мая 1912 г.,

посвященное

памяти пребыванія въ г. Ярославлѣ

Земскаго ополченія 1612 г.

Торжественное засѣданіе

Ярославской Ученой Архивной Комиссіи

24 Мая 1912 г.,

посвященное

памяти пребыванія въ г. Ярославлѣ

Земскаго ополченія 1612 г.

24 мая 1912 г. Ярославская Спасо-Пробоинская церковь праздновала 300-лѣтіе со дня своего основанія. Этотъ знаменательный фактъ изъ жизни Ярославля былъ отмѣченъ въ засѣданіи Комиссіи участіемъ хора Спасо-Пробоинской церкви.

На засѣданіе прибыли: почетный членъ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи Высокопреосвященный Тихонъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, Преосвященный Сильвестръ, Епископъ Рыбинскій, Преосвященный Іоакимъ, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій, а также слѣдующіе почетные члены: членъ Государственнаго Совѣта по назначенію Б. В. Штюрмеръ, сенаторъ А. А. Римскій-Корсаковъ, Ординарный Академикъ А. И. Соболевскій, Управляющій Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, докторъ исторіи, Д. В. Цвѣтаевъ, членъ Императорскаго Общества Исторіи Древности при Московскомъ Университетѣ, Е. В. Барсовъ, Э. Н. Берендтсъ и представители Нижегородской, Костромской и Оренбургской Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, Ростовскаго Музея Церковныхъ

Древностей А. Т. Титовъ, Могилевскаго Церковнаго Археологическаго Музея. Въ засѣданіи присутствовали: Непремѣнный Попечитель Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, Ярославскій Губернаторъ, графъ Д. Н. Татищевъ, Правленіе Комиссіи, члены Комиссіи и свыше полутораста приглашенныхъ на засѣданіе лицъ.

Засѣданіе происходило въ залѣ Губернскаго Правленія и открылось въ 8 часовъ вечера.

Передъ началомъ засѣданія хоромъ пѣвчихъ Спасо-Пробоинской церкви были исполнены пѣснопѣнія: тропарь Нерукотворенному Спасу, I-й кондакъ изъ акафиста Нерукотворенному Спасу и тропарь Діонисію.

Открывая засѣданіе, Ярославскій Губернаторъ графъ Д. Н. Татищевъ произнесъ слѣдующе привѣтственное слово:

„Испрашивая архипастырское благословеніе Владыки нашего Высокопреосвященнѣйшаго Тихона, объявляю засѣданіе открытымъ.

Мои первыя слова должны быть словами признательности и благодарности, обращенными къ иногороднимъ членамъ Архивной Комиссіи, прибывшимъ для участія въ сегодняшнемъ торжественномъ засѣданіи.

Ихъ побудила къ тому безъ сомнѣнія, справедливость приговора исторіи, признавшей за Ярославлемъ право считать себя однимъ изъ главныхъ городовъ Поволжья, того края, въ которомъ начали созрѣвать и созрѣли мысли и дѣло, спасшія Россію отъ послѣдствій тяжкой смуты.

Счастливая доля выпала тогда Ярославлю. Онъ съ радостью встрѣтилъ направлявшееся на подвигъ спасенія отечества Нижегородское ополченіе и на нѣсколько мѣсяцевъ сталъ средоточіемъ движенія, которымъ русскій народъ стряхнулъ съ себя малодушіе, возставъ передъ внѣшними и внутренними врагами во всемъ величіи своего государственнаго ума и проявивъ, озадачившую этихъ враговъ, способность быстро и рѣшительно полагать конецъ всякой „шатости и розни“ передъ лицомъ опасности, когда послѣдняя принимаетъ характеръ угрожающій Святой православной вѣрѣ и національной самобытности.

Когда Нижегородское ополченіе, въ началѣ 1612 г., вступило въ Ярославль, еще не видно было конца бѣдѣ, терзавшей русскую землю.

Говоря словами нашего великаго драматурга, посвятившаго одну изъ своихъ драматическихъ хроникъ художественному изображенію смутнаго времени:

Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь: за что стоять не знаютъ,
Цѣлуютъ крестъ невѣдомо кому,
Еретикамъ, латинцамъ, да ворамъ,
Кому попало...

И все это исчезло, какъ давящій сонъ...

Послѣ періода смуты, посвященнаго подготовленіямъ къ движенію на Москву, и послѣ военныхъ успѣховъ подъ Москвою Нижегородско-Ярославскаго ополченія насталъ послѣдній періодъ смуты. Она пошла на убыль и кончилась великимъ событіемъ, давшимъ Россіи все ея счастіе: всенароднымъ избраніемъ на царство Царя, Родоначальника нынѣ благополучно и на славу Росссіи Царствующей Династіи.

Что же случилось здѣсь, въ Ярославлѣ, обезпечившее счастливый исходъ дальнѣйшихъ дѣйствій земскаго ополченія?

Здѣсь, въ Ярославлѣ, совершилось именно то, что нужно было для успѣха.

Во время пребыванія земскаго ополченія въ Ярославлѣ въ русскихъ людяхъ проснулись нравственныя силы, на время, отъ стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, пришедшія въ дремотное состояніе: вѣра, свѣтлая и горячая, и твердое сознаніе, что Царь природный, на которомъ почило благословеніе Божіе, одинъ можетъ предотвратить разбродъ русскихъ людей врознь и не дать имъ уйти въ преслѣдованіе каждымъ слоемъ населенія своихъ особыхъ себялюбивыхъ цѣлей и стремленій.

Велика милость Божія къ Его православному народу. Когда въ населеніи началось шатаніе, когда значительная его часть, по выраженію благочестивыхъ очевидцевъ событій, „измалодушествовалась“, Господь избралъ Ярославль, въ которомъ пребывало тогда многочисленное населеніе изъ другихъ областей, мѣстомъ для чудесъ своихъ. Чудесное спасеніе силою молитвы отъ морового повѣтрія, за что въ сегодняшній день возносились къ Престолу Всевышняго молитвы Ярославскаго населенія, должно было быть воспри-

нято триста лѣтъ тому назадъ съ крѣпкою и горячею вѣрою, вмѣстѣ съ которыми къ русскимъ людямъ, собраннымъ въ Ярославлѣ и именовавшимъ себя „совѣтомъ всей земли“, вернулась прозорливость и эта прозорливость предотвратила подчиненіе русской державы инославному правителю къ Великому благу Святой Православной Церкви и національной самобытности Россіи.

Въ переговорахъ съ Новгородскимъ посольствомъ, прибывшимъ въ Ярославль для окончательнаго склоненія земскаго ополченія къ признанію Царемъ Шведскаго короля, при всей вынужденной тяжкими обстоятельствами дипломатической осторожности въ выраженіяхъ, звучала твердая рѣшимость собравшихся въ Ярославлѣ русскихъ людей покончить съ планами призванія на царство кого-либо изъ инославныхъ иноземныхъ властителей.

Въ знаменитой Апрѣльской грамотѣ 1612 г., писанной изъ Ярославля въ другіе города и области, временное правительство, успѣвшее сорганизоваться въ Ярославлѣ, призывало всю земщину „сойтись на общій земскій совѣтъ и выбрать по совѣту всего государства Государя, чтобы стоять съ нимъ вмѣстѣ противъ общихъ враговъ польскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ всчинаютъ“.

Избраніе Царя въ Ярославлѣ не состоялось, но здѣсь окончательно окрѣпла политическая мысль, проходящая черезъ всю русскую исторію, что „безъ государя не быть русскому государству“, что Священная Особа Государя-олицетвореніе Россіи, что въ Его десницѣ нравственная сила, сплачивающая весь русскій народъ въ одно національное цѣлое, что передъ любовью и преданностью Ему Богомъ врученнаго народа исчезаетъ, какъ мимолетный злой кошмаръ, всякая шаткость и рознь и что народу, одухотворенному любовью и преданностью къ природному православному Царю, не страшна никакая самая лютая бѣда.

Злой кошмаръ, которымъ вѣетъ отъ эпохи смуты, повисъ надъ русскою землею во время, когда въ русскихъ людяхъ ослабла стойкость въ вѣрѣ и когда случайное прекращеніе Царственнаго Рода лишило русское государство, Государя, всѣми одинаково признаннаго.

Смута, по теперешней терминалогіи анархія, кончилась въ тотъ самый моментъ, когда явно выступившая опасность для православной вѣры и для національной независимости заставила русскихъ людей опомниться, укрѣпиться въ вѣрѣ и всенародно избрать себѣ Царя, вручивъ ему судьбы Россіи.

Выслушавъ, имѣющія быть сообщенными въ сегодняшнемъ засѣданіи, правдивыя сказанія о роли Ярославля въ смутную годину 1612 г., я твердо увѣренъ, мы вынесемъ отъ нихъ впечатлѣніе, что здѣсь въ Ярославлѣ, народъ обрѣлъ вновь тѣ жизненныя начала, на которыхъ строилось, строится и во вѣкъ будетъ строиться благоденстіе русскаго государства, Русскаго Царя съ вѣрнымъ Ему народомъ.

Только утрата этихъ началъ была бы гибелью для Россіи. Пока они живутъ въ насъ, какъ прошлая смута 1612 г., такъ каждое:

Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ
И миромъ оградитъ Святую Русь.

2. По предложенію Непремѣннаго Попечителя Комиссіи графа Татищева единогласно избраны въ почетные члены Ярославской Ученой Архивной Комиссіи: Преосвященный Іоакимъ, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій и академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій.

3. Заслушаны привѣтствія: почетнаго члена Комиссіи Е. В. Барсова, Преосвященнаго Іоакима, обратившаго вниманіе на важную роль нижегородскаго духовенства въ періодъ образованія въ Нижнемъ-Новгородѣ ополченія, представителя Нижегородской Архивной Комиссіи, отмѣтившаго заслуги духовенства въ смутное время и остановившагося въ особенности на характеристикѣ дѣятельности Святѣйшаго Патріарха Гермогена.

Привѣтственныя рѣчи были произнесены прибывшими въ засѣданіе представителями Костромской Архивной Комиссіи, Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей А. А. Титова, Могилевскаго Церковно-Археологическаго Музея и Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи П. А. Незнамова.

4. Предсѣдатель Ярославской Ученой Архивной Комиссіи князь П. Д. Урусовъ докладываетъ привѣтствен-

ныя телеграммы, полученныя на имя Высокопреосвященнаго Тихона отъ Епископа Анастасія, Епископа Никанора и отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода К. В. Саблера, а такъ-же на имя Архивной Комиссіи отъ Директора Археологическаго Института Успенскаго и проф. того же Института Ардашева.

5. Ярославскій Губернскій предводитель дворянства князь И. А. Куракинъ привѣтствуетъ Архивную Комиссію отъ Ярославскаго дворянства.

6. Членъ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи Священникъ Отецъ Сильвестръ читаетъ докладъ: „Выдающіеся дѣятели Ростово-Ярославскаго края въ смутное время“ (приложеніе № 1).

7. Послѣ исполненія хоромъ пѣвчихъ Спасо-Пробоинской Церкви Стиха Святѣйшему Патріарху Гермогену. Почетный членъ Комиссіи проф. Э. Н. Берендтсъ произноситъ рѣчь „О политическомъ значеніи Ярославля въ смутное время“. (прилож. № 2).

8. Артистъ Б. Н. Вишневецкій, при участіи хора Спасо-Пробоинской Церкви, декламируетъ стихотвореніе въ прозѣ Тургенева: „Христосъ“.

9. Почетный членъ Комиссіи Б. В. Штюрмеръ читаетъ докладъ: „Прошлое и будущее Ярославскаго края“. (прилож. № 3).

10. Почетный членъ Комиссіи Ординарный Академикъ А. И. Соболевскій дѣлаетъ краткій докладъ о смутномъ времени и о той роли, которую игралъ городъ Ярославль въ то время.

11. Почетный членъ Комиссіи Д. В. Цвѣтаевъ произноситъ привѣтсвіе отъ имени Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества и Московскаго Археологическаго Института. Въ заключеніе Д. В. Цвѣтаевъ выражаетъ пожеланіе объ открытіи въ г. Ярославлѣ университета и приноситъ Ярославской Архивной Комиссіи въ даръ отъ Архива Министерства Юстиціи списокъ съ дѣла второй половины XVIII в. объ устройствѣ въ Ярославлѣ каменнаго зданія для архива. (Прил. № 4).

12. Артистъ В. Н. Вишневецкій декламируетъ, съ участіемъ хора Спасо-Пробоинской церкви, монологъ „Ми-

нинъ“ изъ драматической хроники Островскаго и пѣснь Кольцова: „Ура“.

Засѣданіе въ исходѣ 11-го часа было закрыто Непремѣннымъ Попечителемъ Комиссіи Ярославскимъ Губернаторомъ, графомъ Д. Н. Татищевымъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДРЕВНОСТИ.

№ 1.

Выдающіеся дѣятели Ростово-Ярославскаго края въ эпоху Смуты *).

Настоящее торжество по справедливости должно быть названо торжествомъ воспоминаній о высшемъ проявленіи духовной силы и созидательнаго творчества—являемыхъ народомъ въ годины бѣдствій.

Этотъ народъ—Ярославскій и всего поволжья до моря, тому назадъ 300 лѣтъ, здѣсь, въ этотъ самый день — съ ранняго утра до поздняго вечера своимъ молитвеннымъ воздыханіемъ—подвигомъ во всѣхъ тьмахъ своихъ народныхъ — тысящахъ и сотняхъ, — утишилъ моровую язву, посланную, разгнѣваннымъ грѣхъ нашихъ ради небомъ, на Ярославль и его окрестности. Этотъ же народъ и въ тѣхъ же своихъ громадахъ какъ одинъ человѣкъ объединившійся, пошелъ отсюда до Москвы и прекратилъ тамъ и повсюду—худшее моровой язвы—12-лѣтнее шатаніе умовъ правителей—запродавшихъ свою родную землю иновѣрцамъ, возстановилъ въ конецъ разстроенный ими государственный порядокъ и далъ своей измученной землѣ миръ

*) Рѣчь члена Яр. Уч. Арх. Комиссіи о. Сильв. Соколова. Составлена по соч. Ключевскаго, Забѣлина, Платонова, Акты А. Э; Акты истор.; Договорныя Грамоты; Дворцовые Разряды, рукоп. Пр. Троицкаго и др.

и тишину. Ближайшія обстоятельства послѣдняго „досточуднаго и храбраго“, по лѣтописцу,—дѣла, были таковы.

Въ 1598 году—волею Божіею преставился послѣдній изъ дома Рюриковичей царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Всю жизнь, избывая мірской суеты и при кончинѣ своей простираясь къ небеснымъ, престолъ свой оставилъ изволенію и смотрѣнію Божію. Тогда боярскому честолюбію и властолюбію, до сихъ поръ поступательно сдерживаемому отмѣнной политикой Калиты и въ конецъ почти упраздненному желѣзнымъ костылемъ Грознаго, открылась широкая хотя и опасная дорога къ постановкѣ новой династіи.

Начали съ того, что бросились къ сундукамъ покойнаго и бездѣтнаго Государь-Хозяина дома и стали хватать тащить имѣніе, безъ пощады, разумѣется, уничтожая всякъ своего соперника. Иные осиливали всѣхъ—какъ Годуновъ и Шуйскій и успѣли записать всенародно все имѣніе за собой только; другіе, желая отнять такимъ способомъ захваченное наслѣдство, поставляли поддѣльнаго наслѣдника—к-л. самозванца, не брезгая при этомъ помощію всякаго гулящаго по Руси сброда бездомнаго и иноземными полками; третьи, кто съ желаніемъ прекратить а кто и продолжать необыкновенный вводъ во владѣніе имуществомъ, обсудивъ это дѣло въ числѣ „семерыхъ“, позвали володѣть ими сосѣда—Польскаго Короля и К^0. Сосѣдъ, давнишній завистникъ сундуковъ покойнаго, былъ оч. радъ такому внезапному наслѣдству—пришелъ поспѣшно и сталъ володѣть—хозяйничать въ дому по свойски. За все это время не только не вспомнили объ исконныхъ и прямыхъ наслѣдникахъ—сиротахъ народѣ, но помѣстили и его въ число имущества, закрѣпивъ за собой въ собственность.

Сирота народъ долго стоялъ предъ домомъ покойнаго—все видѣлъ и слышалъ—что тутъ и какъ дѣлается; замѣтилъ, что все стоящее впереди его—изолгалось, перессорилось; заводитъ то своихъ—доморощенныхъ, то иноземныхъ царей и тянетъ сразу въ семь сторонъ, что особо плохо стало отзываться и на его сиротскихъ бокахъ; чувствовалъ всѣми фибрами души своей что-то очень неладное и на его память небывалое. Назвалъ все это дѣло „воровскимъ“, а дѣятелей—„ворами“ но не нашелся сразу—какъ помочь этой бѣдѣ—разрухи, какъ избыть воровъ! Вначалѣ, еще

по инерціи—довѣрявшій такъ работавшимъ болярамъ, смѣшался съ ними и вовлеченъ былъ по частямъ хотя въ эту бѣшенную пляску развернувшихся страстей—инстинктовъ. Но когда къ концу 611 г. онъ увидѣлъ свое сердце—Москву съ ея Святынями растерзанными отъ тѣхъ кто, какъ его увѣряли, приглашенъ былъ для порядка, услышалъ, что ихъ Богомолецъ Св. патр. Гермогенъ посаженъ въ заключеніе и, съ ужасомъ отъ происходившаго, умоляетъ оттуда народъ вступиться за поруганную Святыню—Москву—Русь, и попранный порядокъ, то этотъ народъ первый опомнился и остановился на мысли—какъ избыть бѣду? Здѣсь со всей силой сказалась его только способность встать на ноги послѣ паденія, какъ отличительный признакъ „великаго народа“. И какъ бы ни было тяжело его вольное, а здѣсь больше невольное—паденіе и униженіе, но, когда пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы въ одномъ или нѣсколькихъ великихъ изъ среды себя людяхъ—которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историч. дорогу: урочный часъ пробилъ,—объявились и великіе люди. Это дѣйствительно „великіе“ словомъ, дѣломъ и жизнію люди глубоко вліяли на него, направляя, помогая его объединенію и соединенію до силы несокрушимой.

Во главѣ такихъ долженъ быть поставленъ Св. Патр. Гермогенъ, человѣкъ съ чрезвычайной нравств. силой какъ личность, и съ громаднымъ политическимъ вліяніемъ какъ дѣятель; „единственный“ по признанію выдающихся нашихъ соврем. историковъ, проникновенный взоръ котораго точно указалъ истинное положеніе дѣлъ и причины таковой бѣды наказаній—ихъ же никакія книги не произнесоша ни на едину монархію, ниже царство и княженія, токмо надъ превысочайшею Россіей; причины и средства къ прекращенію ихъ. Съ благословенія и слова этого крѣпкаго адаманта вѣры и національности и др. богомольцы тоже провозвѣщали всему народу. Все это прекрасно выяснено въ грамотѣ Ярославцевъ—въ преславный градъ Казань отъ 12 іюня 611 г. и въ подлинной самого святѣйшаго—въ Нижній 25 авг. Святѣйшій причиною смуты указывалъ рознь правящихъ, нечистыя ихъ вожделѣнія и нравственную распущенность. О послѣднемъ, олицетворяемомъ у Св.

„въ проклятомъ сынѣ Маринки и ему подобныхъ“, съ лихорадочною поспѣшностію—забывъ даже поставить адресъ и дату грамоты, Святѣйшій писалъ какъ объ особо заслуживающей вниманія причинѣ смуты: во всей грамотѣ поляки тогда еще страшные Москвѣ даже не упоминаются: видимое дѣло отпадутъ причины не будетъ и слѣдствія, т. е. поляки естественно уничтожатся,—только бы отстали всѣ отъ грабежа, корчмы, корысти всякія и прелюбодѣйствъ, и свары и сосредоточились бы на единой мысли, какъ реклись души своя за домъ Пречистыя и Чудотворцевъ и вѣру и родину положити, тако бъ и совершити имѣя братство и чистоту душевную .. Ясно намѣчалась та программа дѣйствій, которой народъ только и ждалъ, чтобъ укрѣпиться на ч.-либо и слово Патріарха принялъ какъ Божью вѣсть и волю о спасеніи; своими очами народъ видѣлъ, что на семи нянькахъ—болярахъ, дитя безъ глазъ, и что за все содѣянное поляками и ворами приспѣ часъ встати всѣмъ и умрети. И во всѣхъ грамотахъ, коими со словъ Св. стали обсылаться грады другъ къ другу высказывалась эта затерянная правящими мысль: бороться за вѣру, родину и порядокъ со всякимъ, кто противъ, кому сатана очи ослѣпилъ.

И можно только безъ конца удивляться той энергіи, которую, по слову Свят., развилъ въ себѣ и проявилъ народъ, предоставленный своимъ силамъ; той цѣпкости, съ какой держались всѣ въ немъ другъ за друга и выразили въ стройно организованномъ народномъ ополченіи, — пробывшимъ здѣсь 7 апр. 28 іюля 612 г, у котораго—слово Святѣйшаго стало дѣломъ.

По горькому опыту бывшихъ ранѣе неудачь и разстройства 1-го ополченія—изъ за корысти воеводской и власти, ополченіе это въ основу положило „общее дѣло“—съ полнымъ подчиненіемъ ему имущества и личности, съ устраненіемъ всякаго повода къ розни. Здѣсь начали поэтому не съ расхищенія чужаго и общаго, а съ пожертвованій своего на общее до готовности заложить домы своя; не съ бѣшеной оргіи и разгула, а съ великаго воздыханія молитвеннаго и поста трехдневнаго; не съ захвата власти съ цѣлію наживы, а со смиреннаго отказа кому ее предлагали и служенія до самопожертвованія у пріявшихъ власть. „Общее дѣло“, которое подняли и понесли на своихъ плечахъ

выборные отъ всея земли—заслонило, поэтому, такихъ героевъ націи, какъ Мининъ и Пожарскій, покрыло ихъ: да они и сами, вложивши сюда имущество свое и душу—не думали видно-ли ихъ, нѣтъ-ли. Безусловно первые—подъ окружной грамотой, выданной отсюда 7 апр. 612 г. съ призывомъ всѣмъ „на общее дѣло — какъ бы всей землѣ прибыльнѣе было", одинъ подписался 9-мъ, а другой 15-мъ; а когда замѣтили возникающую, еще по инерціи, рознь, отдали себя спокойно на третейскій судъ: полное спокойствіе, какъ отличительный признакъ великой силы и залогъ успѣха въ правомъ дѣлѣ, замѣтно въ нихъ и ополченіи. Безъ бурныхъ порывовъ и вспышекъ, кои преждевременно ослабляютъ энергію, сложилось и двигалось оно. Всѣ вихри—и бури Св. негодованія заложило оно вглубь себя; предупрежденное Святѣйшимъ, замкнулось, и, вспыхивая—дорогой до Москвы—то флангами, то тыломъ, то авангардомъ—на страхъ врагамъ, опять смыкалось, на подобіе громадной спирали и выпрямилось во всю свою народную мощь неудержимо уже и выразилось часу приспѣвшу, а не ушедшу какъ бывало, въ указанномъ мѣстѣ силой стихійной—„какъ Божій гнѣвъ, какъ Божій судъ и громъ,—народнюю, святой грозой". Эта гроза очистила ту душевную тѣсноту и нравственную растлѣвающую мерзость—заразу, кою завели и разводили кучка людей Бога, не боявшихся, людей не стыдившихся, за не совѣсть свою потеряли, а души своя сатанѣ по-запродали!

Въ чистой, бодрящей умъ и душу атмосферѣ — какая только бываетъ послѣ грозы, это же ополченіе „съ совѣта всея земли" руководило избраніемъ и воздвигло на престолъ чистую и благородную отрасль славнаго корене Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича Романова, Родоначальника благополучно нынѣ Царствующаго Дома. По истинѣ

„Высокъ и святъ, могучъ и твердъ
Престолъ Россійскаго царя:
Воздвигнутъ онъ съ молитвой,
Постомъ и подвигомъ,
Благословенною рукой,
Святой—народною душой.—

Съ чувствомъ особо благодарной признательности помянемъ теперь мужей Рост.-Яр. Края—кои, среди другихъ великихъ

выставленныхъ народомъ, послужили въ ту годину бѣдствій общему дѣлу какъ подобія Святѣйшаго, и чрезъ нихъ—по лѣтописцу—много славнаго являлъ Господь землѣ свой; и они давали разумные совѣты и руководили здѣсь народомъ.

1. Хронологически д. б. помянутъ Іовъ, Архіепископъ на Рост.-Яр. Епархіи 9 Генв.—11 Дек. 1586 г. и Патріархъ Всея Руси отъ 1589—26 Г. по 24 іюня 605 г. Собственно дѣятельности въ Р.-Яр. онъ ни проявилъ, но его Патріаршая Богомольная грамота отъ 14 Ген. 605 въ Соль-Вычегодскую и Новгородъ — несомнѣнно была окружной и читалась здѣсь. Въ ней раскрывается темное прошлое 1-го Самозванца, что де сей Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ заворовався постригся отъ смерти въ чернецы, былъ и у Іова во дворѣ для книжнаго дѣла въ діаконахъ; а нынѣ сего отъ насъ сбѣжавшаго и въ чернецахъ же видѣннаго въ Кіевѣ Ярославскимъ иконникомъ Степаномъ, и учавшаго по наущенію діавольскому зватися вмѣсто вора-страдника, еретика-отметника, растриги-богоотступника,—княземъ Димитріемъ Ив., мы всенародно и соборнѣ прокляли и пристающихъ къ нему такихъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ—предахомъ проклятію и всѣмъ проклинати повелеваемъ.

Какъ стоящій за правду—исконный порядокъ—Іовъ приспѣшниками „бѣсовскаго сына“ 24 Іюня 605 г. былъ совлеченъ изъ сана своего святительскаго съ поруганіемъ многимъ и озлобленіемъ въ Старицкій монастырь „въ презельное заточеніе“. По лѣтописямъ рисуется всегда какъ вельми собою благообразный — обладающій феноменальной памятью и во дни его не обрѣтеся подобнаго ему человѣка ни образомъ, ни нравомъ, ни чиномъ ни похожденіемъ, ни вопросомъ ни отвѣтомъ.

2. Его ставленникъ Іона—пробывшій въ Р.-Яр. Епархіи съ 603 г. Апр. до 604 г. март. Митрополитомъ. Отмѣчается „какъ прозорливецъ“,—де бывъ въ Москвѣ на посвященіи и видя у Патріарха во дворѣ діакона нѣкоего Гришку Отрепьева сказалъ Патріарху „сей чернецъ діаволъ сосудъ будетъ; маложъ внимающу Іову, и Царю сказалъ, на Григорія указуя „сей чернецъ самому сатанѣ сосудъ полонъ будетъ“. Помянуша же глаголы прозорливца часу

ушедшу, по внегда тому сатанину сыну „Царемъ объявитися—и Святѣйшаго обезчествовати по премногу“.

3. Сотрудникъ Св. Гермогена, ставленникъ Іова, и герой-мученикъ вѣры и національности—Ѳеодосій, Архіерей Астраханскій (Рукоп. Троиц. № 3479).

Въ мірѣ Ѳеодотъ, сынъ попа Харитона изъ слободы, что подъ Ярославлемъ самымъ Яковлевской словетъ. Возрастенъ бывъ, въ Ярославлѣжъ служилъ попомъ при ц. Св. Борисъ и Глѣба; и жены и чадъ лишився, пріятъ иночество въ Толгскомъ монастырѣ, идѣже за подвигъ многъ и игуменомъ обрѣтеся лѣтъ яко двадесять и пять. Отонудужъ настоятельство пріятъ въ Св.-Троиц. монастырѣ во Астрахани и 602 г. Архіереемъ наречеся. 605 лѣто тамо небоязненно исповѣдывалъ, яко Гришка есть воистину самозванецъ—за что властями біенъ бысть много и поруганъ.

Въ лѣто-жъ 605 на Москвѣ бывъ самому оному Гришкѣ глагола, яко онъ не царевичъ, а царевичъ убіенъ въ Угличѣ и то вѣдомо всѣмъ и Гришкѣ, и толико дерзновенно сія глагола, яко зѣло дивитися тому нечестивцу, ни коего же зла исповѣднику сотворившему“. Въ 606 гдѣ участвовалъ съ Митрополитомъ Филаретомъ Ник. въ перенесеніи мощей Св. Димитрія царевича изъ Углича въ Москву. Скончался на обратномъ пути въ Астрахань, — въ Казани 18 дек 607 г. Прославленъ нетлѣніемъ и перенесенъ въ Астрах. Успенскій Соборъ *).

4. Митрополитъ Филаретъ Никитовичъ—на Рост.-Яр. кафедрѣ съ ноября 606 г. по окт. 608 г. „Пастырь добрый“ своего словеснаго стада и доблестный стоятель за „общее дѣло“ земли Русской.

По записямъ, царь Борисъ—и пронырь лукавый—много зла сотвори фамиліи Романовыхъ, опасаясь ея, какъ болѣе имѣвшей правъ на Престолъ Россійскій; „пятерыхъ братьевъ Никитычей пронырь сей — съ ихъ присными и знаемыми разослалъ въ суровую ссылку по отдаленнымъ уголкамъ Россіи. Эту ссылку—съ коваными въ цѣпяхъ—не выдержали Никитычи—Александръ, Михаилъ и Васи-

*) Кстати сказать, что въ Житіи значится—„Въ лѣто 609 18 мая Толгскій монастырь разграбленъ бысть безбожными агаряны, усѣкнувшими 15 иноковъ и 31-го служебника и иныхъ многихъ и пакостная монастырю сотворившими: Рук. Пр. Троицкаго.

лій; Иванъ въ полжива „маненько у него языкъ отнялся и руки и ноги сволокло", — вернулся въ Москву 603 г. около 20 ноября.

На старшаго Никитича, Ѳеодора, — ради его особой популярности въ Москвѣ—(въ Коломенскомъ дворцѣ найденъ портретъ безъ даты, изображающій Ѳ. Н. въ царскомъ кафтанѣ, въ бармахъ и со скифетры, съ подписомъ „царь Ѳеодоръ Микитычъ Романовъ".—что подтверждаетъ эту популярность), пронырь оный и царь Борисъ „положи береженье въ особину". 13 іюля 601 г. его, лишеннаго боярства и помѣстій, велѣно нуждею постричь и съ супругой и сослать его—въ Антоніевъ-Сійскій монастырь, супругу—Ксенію Шестово — въ инокиняхъ Марфу, въ Заонежску пятину, Егорьевской погостъ, волости Толвуй, а сына Михаила и дочь съ теткой ихъ Анастасіей Шестово въ Бѣлозерье.

Невольный постриженникъ Филаретъ, по записямъ, не изнемогалъ и чинъ иноческій возлюби паче царской багряницы. Приставъ Богдашка Воейковъ, поставленный къ иноку для береженья, своимъ смотрѣніемъ на-крѣпко и приставленіемъ еще помоги ради чернецовъ вѣрныхъ, къ концу 604 года довелъ смиреннаго Филарета до бѣлаго каленія, отобравъ у него единственную утѣху — служку малаго дворовaго, съ нимъ пріѣхавшаго, — а за того служку и душу бъ свою готовъ выронить старецъ. Съ февраля 605 г. чернецы Илинархъ да Леванидъ жаловались, что инокъ Филаретъ въ ночь на 3-е на нихъ лаяльски лаялъ, и на чернеца Иринарха презельно, и съ посохомъ къ нему подскакивалъ и изъ кельи высылалъ не дружелюбно и не весьма честно и входить къ себѣ не приказывалъ, глаголя „узнаютъ-де каковъ онъ Филаретъ будетъ!"—Не сбѣжалъ бы, заканчиваетъ свой холопій доносъ Борису—приставъ Богдашка — „невѣдомо чему-то сталъ инокъ Филаретъ посмѣиваться, а игумену Іонѣ не здравствуетъ". Посмѣиванье „невѣдомо чему" инока Филарета совпало съ шептами разными невѣдомо о комъ у Смоленска и съ разговорами „невѣдомо о чемъ" въ Угличѣ... и проныра-царь Борисъ—велѣлъ 22 марта утвердить смотрѣніе, постригомъ инока въ іеромонаха и архимандрита,—а

того сана снять ему не мочно будетъ". Есть записи, что архимандрита помѣстили въ подцерковную келію $2^{1}/_{2}$X$1^{1}/_{2}$ арш.—съ великимъ оскудѣніемъ.

Обстоятельства скоро примѣнились и слова Филарета „увидятъ каковъ онъ будетъ" сбылись. 20 іюня 605 г. онъ былъ вызванъ въ Москву Лжедимитріемъ — какъ его мнимый родственникъ. Поставляется въ Митрополита Рост., участвуетъ послѣдовательно на бракѣ Лжедимитрія мая 606 г., 1 іюня въ Коронаціи Шуйскаго,—въ іюнѣжъ—при перенесеніи мощей царевича Димитрія; въ Ростовъ прибылъ не ранѣе ноября 606 г. Рядъ грамотъ по наказу Св. Гермогена, разосланныхъ Филаретомъ по своей епархіи „стоять всѣмъ крѣпко противу новаго Самозванца Коломенскаго вора"—показываютъ, что Филаретъ всецѣло находится подъ вліяніемъ Св. Гермогена и самъ былъ на высотѣ своего положенія, что и доказалъ самымъ дѣломъ. 11 окт. 608 г., когда воръ подступилъ къ Ростову, Воевода Третьякъ Сеитовъ, только что вернувшійся изъ похода Переяславльскаго, доблестно бился съ непріятелемъ. встрѣтивъ его за городомъ еще: но былъ побѣжденъ. А такъ какъ въ Ростовѣ ни валу, ни тыну, ни засѣки какой, ни остроги не было, то непріятель ворвался въ городъ. На уговоръ жителей бѣжать Митрополиту вмѣстѣ съ ними доколѣ возможно, Митрополитъ отвѣтилъ „токмо наемникъ бѣжитъ, а я же яко пастырь хощу, по слову Учит. Неб., и душу свою положить за овцы своя и вы аще побіете свободны будете, аще же побіени будете вѣнецъ получите". Оказалось мало желающихъ получить вѣнецъ — больше по своему озаботились о свободѣ,—а именно „бѣгомъ побѣжали къ Ярославлю". Митрополитъ заперся въ соборѣ и оставшимся съ нимъ велѣлъ утвердить двери — чрезъ которыя и повелъ переговоры съ подступившими мятежниками, но безуспѣшно. Тѣ, выломавъ двери, посѣкли съ нимъ бывшихъ, а съ Митрополита сдернули свят. санъ—облаченіе, одѣли его въ ризы языч., въ сапоги неподобные, въ мурмолку татарскую; вырвали изъ рукъ его посохъ свят. съ яхонтомъ восточ. цѣною какъ $^{1}/_{2}$ бочки золота и въ телѣгѣ отправили съ женкой нѣкоей въ Тушино. Изъ Тушина какимъ-то образомъ Митрополитъ успѣлъ послать въ Ярославль грамоту, полученную здѣсь 8 дек.—О, чада, писалъ Митроп.

не ужасайтесь враговъ вашихъ, вору не винитеся и крестнаго цѣлованія не преступайте". Такъ какъ Ярославцы, благодаря своему безсовѣстнѣйшему воеводѣ Ѳ. Барятинскому вору уже подчинились, или лучше сказать Барятинскимъ,—проданы были, то эта грамота послужила, думается,—сигналомъ сбросить это первое и послѣднее паденіе Ярославцевъ, стоющее имъ кромѣ стыда и громадныхъ непосильныхъ поборовъ. По крайней мѣрѣ съ 10 го же декабря по 23 мая 609 г. Ярославцы успѣли выжить своихъ побѣдителей. Въ Тушинѣ Митрополита почтили саномъ нареченнаго патріарха, свитой и златыми одеждами—всяко склоняя, чтобъ онъ согласился съ боярской партіей, признающей Короля Сигизмунда и К-ча въ Россіи; „не можно мнѣ это сдѣлать безъ рѣшенія всего освященнаго собора" отв. Митрополитъ. Освобожденный чрезъ 17 мѣсяцевъ въ 610 г. 14 марта прибылъ въ Москву и всецѣло всталъ на сторону Святѣйшаго—предлагавшаго въ то время—между царствія—избрать кого-либо изъ русскихъ царемъ. Говорилъ послѣ него на лобномъ мѣстѣ Митрополитъ: „не обольщайтесь люди, мнѣ и самому уже подлинно извѣстно злое королевское умышленіе—хощетъ бо съ сыномъ царствовати и нашу вѣру раззорити — но люди яко аспиды чувственные и умственные уши затыкаху—и королевича желаху. Въ посольствѣ къ Сигизмунду на которомъ настояли бояре — Митрополитъ былъ вѣренъ данному имъ предъ Свят. обѣщанію: встрѣшно стояти во всемъ противу наказа—и лучше умрети чѣмъ вѣру и отечество предати, за что потерпѣлъ униженія, тѣсноту и плѣнъ 8-лѣтній вмѣстѣ съ таковыми-жъ кн. В. Голицынымъ и думнымъ дьякомъ Томилой Луговскимъ, въ то время какъ другіе члены посольства и вѣру и отечество продавали. Народныя симпатіи были на сторонѣ Филарета—и выразились въ ихъ грамотахъ тождественныхъ слово въ слово съ тѣмъ, что отстаивалъ Митрополитъ: „а буде король не дастъ сына своего на Москву по греческой вѣрѣ, не уведетъ людей своихъ отъ Москвы и самъ не уйдетъ изъ подъ Смоленска, биться намъ до смерти" — Вѣнцомъ „стоянія праваго" Митр-а несомнѣнно д. считать его желаніе — остаться ему совсѣмъ въ плѣну польскомъ, а не уступать за промѣнъ себя ни единой пяди земли Русской"—на чемъ усиленно настаивали поляки—619 г. при

заключеніи Деулинскаго мира, зная, что онъ отецъ Русскаго царя.

5. Ставленникъ Іова, Кириллъ IV Митр. Р.-Яр., — предшественникъ и намѣстникъ Филарета Ник. Первичная его дѣятельность на Ростовѣ съ апр. 605 по апр. 606 г., кромѣ грамотъ о смерти ц. Бориса и воцаренія сына его Ѳеодора ничѣмъ не отмѣчена

Выдвигается и сильно съ мая 612 года., когда онъ княземъ Пожарскимъ приглашенъ былъ въ Ярославль изъ своего покоя — Троицк. Лавры, — какъ упомянутый уже нами, „третейскій судья“, или лучше,—главой, санкцирующей то временное правительство, которое—по мысли Пожарскаго—въ основахъ завязалось здѣсь. Но пришлось ему быть и настоящимъ судьей—надъ Каз. воеводой Ив. Биркинымъ, столь дерзко начальства домогавшагося, что ополченіе возмущенное за любимаго имъ князя Пожарскаго едва не устроило *„кровь“*: благочестивыми жъ глаголами Кириллъ умирилъ ополченцевъ и устыдилъ Биркина, который въ Казань посрамленъ отъиде; и послѣ, какъ учнется какая ссора, шли къ нему за благимъ совѣтомъ. Въ отсутствіе князя Пожарскаго изъ стана—былъ полномоченъ. Подъ его управленіемъ сложился въ зачаткахъ и тотъ церковный совѣтъ, который наз. „освященнымъ соборомъ“— какъ и въ старину было.

Судя по тому, что онъ во время избранія ц. Мих. Ѳеод. занялъ среди духовенства первенствующее мѣсто, предсѣдательствовалъ въ Земскомъ Совѣтѣ, гдѣ за его подписомъ и на его имя значится до 67 №№ отписокъ, можно утверждать, что это былъ достойнѣйшій ставленникъ Іова и намѣстникъ Филарета; человѣкъ очевидно недюжиннаго ума и выдающагося такта. Какъ таковой онъ и пробылъ начальникомъ Земскаго Совѣта до сентября 615 г. когда дана ему была отъ ц. Мих. Ѳеод. дарственная грамота, утверждающая за Ростовск. Митр. все, какъ по спискамъ дѣдомъ царя І. В. Грознымъ и прадѣдомъ В. К. Вас. Ив. дадено было.

Въ свою митрополію прибылъ 20 сент. 615 г.+7 мая 619 г. скончался.

Въ Ярославлѣ при немъ основаны и имъ освящены— храмы Спасъ Нерукотворенный, Сергіевскій—во Власьев-

скомъ приходѣ 614 г. и Аѳанасія и Кирилла 615 г.

6. Подлѣ упомянутыхъ героевъ вѣры и національности, обществ. дѣлателей, освободителей и строителей земли Русской въ эпоху смуты, народъ—материкъ земли, изъ среды себя выставилъ здѣсь еще героя—созерцателя жизни, религіозной мысли и чувства, который своимъ подвигомъ ясно обозначалъ сокровенныя народныя думы о событіяхъ времени и о той историч. тяжелой долѣ, кою онъ—неповинный долженъ былъ переживать ради изолгавшагося боярства и измалодушествовавшагося служилаго сословія.— Это былъ достойнѣйшій ученикъ учениковъ преп. Сергія—преп. Иринархъ Борисоглѣбскаго, близь Ростова, монастыря затворникъ. Въ мірѣ Илья, сынъ крест. Рост. у. с. Кондакова—Акиндина и Маріи 1547—1616. Съ шести лѣтъ началъ глаголати матери своей — какъ выросту большой, монахомъ буду, желѣзо буду на себѣ носить;—Богу трудиться. И въ нѣкое время, въ возрастѣ бывъ, пріялъ поклонный крестъ, благословился имъ на глазахъ матери и сказалъ—иду въ монастырь Св. Бориса и Глѣба, что на Устьѣ, молиться! и минувшу времени, въ лѣто тысяща пятьсотъ осмьдесятъ шестое, извѣщенъ отъ Распятаго—быти въ заворѣ; идѣже скова себѣ ужище желѣзное—„чѣпи—три саж. обвился имъ и приковался къ обрубку дереву“. Замѣчательно (Забѣлинъ 275) что это было въ то время, когда въ боярской средѣ были первыя попытки закрѣпить за собой вольныхъ слугъ-холопей. Ужище—прообразованіе крѣпостничества. „И пребысть лѣтъ яко шесть Преп. въ ужищѣ семъ“. Въ это время смутныя дѣла стали видимо затягиваться. Въ Угличѣ погибъ муч. царевичъ Димитрій, а въ правительств. кругахъ ходила мысль о закрѣпощеніи всего крестьянскаго сословія. И вотъ Преп. прибавляетъ себѣ еще три саж. ужища желѣзнаго, которое получилъ—замѣчательное совпаденіе!—отъ христолюбца нѣкоего изъ Углича. „И пребысть тако еще шесть лѣтъ“. Въ 1598 г. когда явился—упомянутый нами—указъ о закрѣпощеніи крестьянъ, пресѣкся родъ Рюриковичей и дѣла стали запутываться въ новые и новые узлы, Преп. прибавляетъ себѣ еще три саж. ужища желѣзнаго, полученнаго имъ отъ брата нѣкоего старца Борисоглѣбск. Ѳеодорита. И пребываетъ тако въ 9 саж. лѣтъ 13; наступилъ 611 й

годъ, самый тяжелый на Руси, трудно было разглядѣть, гдѣ и чѣмъ кончится — и преподобный прибавилъ себѣ сразу 11 саж.! ужища данныхъ ему братомъ нѣкіимъ старцомъ Тихономъ. „И пребывать въ нихъ Преп. по конецъ дней своихъ.“—Такъ сидя въ своемъ затворѣ и отгоняя всякое дреманіе очей, старецъ видимо—зорко слѣдилъ за общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ. Онъ чутко стерегъ ходъ народныхъ событій—тѣмъ болѣе, что и келья его была на бойкой дорогѣ Рост.—Яр.—до Москвы, гдѣ отъ Ярославля и Вологды до Вятки и Нижняго жила тогда настоящая Русь—материкъ земли—откуда только и можно было еще ждать спасенія. Мимо старца ни пѣшій не прохаживалъ, ни конный не проѣзживалъ. Заходили къ нему благословиться въ путь дорогу—подвиги и облегчали предъ нимъ сердца и души—объ общемъ народномъ горѣ. Изъ этихъ бесѣдъ—сообщеній старецъ, своимъ высоко уже развитымъ духовнымъ взоромъ, видѣлъ какъ завязывалась смута, и что ее развяжетъ Какъ плодъ его наблюденій и обобщеній указывается хожденіе его въ Москву въ 608 г. къ царю Шуйскому, коему онъ разсказалъ о своихъ видѣніяхъ, что Москва посѣчена будетъ отъ Литвы, и царство его поплѣнено, разграблено и пожжено...“. Это я тебѣ правду говорю, заключилъ Преп., а ты стой въ вѣрѣ твердо и непоколебимо! Эта правда состояла въ той народной мысли, что по ходу событій въ царствованіи Шуйскаго невозможно уже было предотвратить надвигающихся со всѣхъ сторонъ бѣдствій. Самое пророчество какъ бы обличало царя, не показывавшаго ни силъ достойныхъ, ни таланта въ борьбѣ съ окружающимъ, о чемъ кстати сказать „не разъ и не весьма отчелюбно“ говорилъ Шуйскому Святѣйшій. Народная мысль — душа въ лицѣ Преподобнаго, однако, не злорадствуетъ, а благожелаетъ злополучному царю.

Когда смута разгорѣлась во всю, и поляки хозяйствовали и въ Рост.-Яр. краѣ, заходили, по слуху къ Преп. разные паны и воеводы, среди нихъ и Сапега. Его, разыскивавшаго мірское золото и добро всякое, народъ привелъ къ затвору, гдѣ хранилось послѣднее русское сокровище—но неоскудѣваемое и неокрадываемое—душа народная. Какъ старче вѣруешь, за какого царя Бога молишь?—спрашивалъ

Сапега. „Въ русской землѣ я родился, вѣрую Богу истину—и Ему молюсь за царя русскаго, другого не знаю". —„Велика правда въ батькѣ семъ, въ коей землѣ жить, тому царю и служить надоть". Воротись-же и ты во свою землю, гов. Преп., полно тебѣ воевать на Руси, не выйдешь, если не послушаешь, живой—убитъ будешь". И умилися панъ Сапега на тѣ рѣчи старца и рѣче—николиже и нигдѣ обрѣтохъ таковаго безстрашнаго и твердаго, что меча нашего не боится" и рече ему—чѣмъ мнѣ тебя батько даровать? и рече „прости мя батько" и поклонься ему и изыде, повелѣвъ дати ему пять рублевъ, повелѣвъ никому монастыря не трогать—и сіе оградилъ и утвердилъ знаменемъ своимъ". (Рукоп. Троицк. 3479—159). И бысть въ м-рѣ радованіе! Сохранность знамени, судя по фотографическому снимку, сдѣланному для насъ любезностію мѣстнаго настоятеля, великолѣпна! Кому то пришла удачная мысль обложить знамя слюдой, предохранившей его отъ выцвѣтанія и вывѣтриванія. Древко знамени $5^1/_2$ арш., самое знамя высота $2,_{10}$; шир. — $1,_{15}$; радіусъ—$2,_4{}^1/_2$. Знамя шелковой красноватой матеріи, плотно шитое съ обѣихъ сторонъ шелкомъ, серебромъ и золотомъ. На лицевой сторонѣ вышито вверху въ облакахъ—благословляющій Господь Саваоѳъ, ниже—вправо во весь ростъ Архистр. Михаилъ въ воинскихъ доспѣхахъ, съ мечемъ—и Іисусъ Навинъ, припавшій предъ нимъ на правое колѣно, съ откинутымъ на головѣ шеломомъ, въ доспѣхахъ,—развязывающій ремни на лѣвой ногѣ: надпись, трудно разбираемая вязь, и рѣче Архистратигъ Михаилъ ко Іисусу „иззуй сапогъ съ ногу твоею, мѣсто бо на немже стоиши, свято есть;—и сотвори Іисусъ тако. Подъ знаменемъ на особомъ столѣ изображены „труды"—Преп.: власяница; оплечье праздницкое 35 фун. будничное 11, поліелейное 21 ф., наглавникъ 3 ф., опоясаніе 2 ф., цѣпи 4 п. 10 ф.,—всего въ трудахъ считается 9 п. 19 ф.

Въ лѣто 610-е къ Переяславлю, въ Александровскую Слободу, къ Троицѣ, ко Димитрову посыла старецъ благословеніе свое — крестъ и просфоры—Князь Мих. В. Скопинъ-Шуйскому съ наказомъ „дерзай княже и не убойся,— Богъ тебѣ въ помощь" — и побѣжда князь и Сапега бѣгствомъ побѣже отъ Димитрова въ Калугу и тамо убіенъ

бысть", якоже и Преп. рѣче. Въ лѣто 612-е бысть въ Ярославлѣ князь Дим. Мих. Пожарскій, да Косма Мининъ со многи вои и ста тамо; идти не спѣша ради убивства Заруцкимъ Ляпунова. Старецъ же, прослышавъ, посла князю крестъ и просфору —идти повелѣвая къ Москвѣ—„де узритъ славу Божію и Заруцкаго да не боится. Зѣло радуяся и самъ князь съ Космой пошли къ Преп. благословиться и благослови ихъ и даде крестъ свой въ помощь". И пойде князь въ Переяславль, и пойде къ истощаемой Троицѣ и ста тамо и свободи ю, и пойде на Москву и ста тамо. Заруцкій же, никѣмъ гонимый, побѣже изъ-подъ Москвы. И Литву князь поби, Китай-городъ взя, и Кремль городъ и сидѣльцевъ тутъ—взя; и внидоша въ храмъ Пречистыя радуяся. Въ лѣто 615-е сент. 4 бысть въ м-рѣ радованіе о грамогѣ царя Михаила Ѳеод., въ ней же писано: пожаловали есмы Государь на поминъ отца своего Ѳиларета монастырю 5000 листовъ нѣмецкаго желѣза, три пуда олова, 150 р. 27 алтынъ 4 деньги; и сею грамотой утвердили есмы на прежде вкладныя рыбныя ловли и покосы по р. Ковжѣ игумену Петру, да затворнику Иринарху трудовъ его ради по Бозѣ". Въ лѣто 616 преставися блаженный Генваря въ 13-е и погребенъ бысть, по благословенію Митр. Кирилла, Игуменомъ Петромъ съ братіею, въ могилѣ юже ископа, самъ Преп. еще живъ сый, въ трудахъ своихъ до конца всѣхъ утѣшаяй, наставляяй и обучаяй, и славляху люди до днесь Бога крѣпкаго, таковое въ немощахъ совершающа—яко не токмо своимъ, но и чужимъ—иновѣрнымъ по премногу дивитися—и во вѣки аминь.

Перечитывая это, дѣтское по простотѣ изложенія и полное мужества и силы по содержанію сказаніе о трудахъ Преп., невольно чувствуешь ту живительную теплоту, коя обнимала всякаго, кто вступилъ въ эту атмосферу труда—смиренія, мысли и молитвы затворника. Міръ это видѣлъ —чувствовалъ—и уходилъ ободренный и освѣженный, подобно тому, какъ мутная вода прибиваясь къ прибрежной скалѣ отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную ею въ дорогѣ—въ грязныхъ мѣстахъ—и бѣжитъ далѣе уже свѣтлой прозрачной струей. Надобно попомнить людей конца XVI и нач. XVII в., ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умств. и нравств. силъ и средствъ, чтобы понять впечатлѣ-

ніе этого зрѣлища на набожныхъ посѣтителей-наблюдателей. Намъ, страдающимъ избыткомъ нравств. возбужденій и недостаткомъ нравственной воспріимчивости, трудно ужъ воспроизвести слагавшееся изъ этихъ наблюденій настроеніе — нравственной сосредоточенности и братства, какое разносили по всѣмъ своимъ угламъ побывавшіе у затворника люди. Ихъ было правда немного сравнительно съ массой народной но и царство Божіе не приходитъ съ соблюденіемъ, а малъ квасъ кваситъ цѣлое. Украдкой и каплями западая въ массы, это нравственное вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно перестраивало умы современныхъ, ихъ нравственный строй. Отъ вѣковыхъ раннихъ бѣдъ и разрухи современной, люди такъ оскудѣли нравственно, что не могли не замѣтить въ своей жизни недостатка этихъ первыхъ основъ христіанскаго общежитія, и почувствовали потребность въ нихъ. Пробужденіе этой потребности и было началомъ нравственнаго, и потомъ политическаго возрожденія Руси. Пятьдесятъ почти лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло затворникъ. Полвѣка цѣлые приходили къ нему люди и черпали изъ его затвора утѣшеніе и ободреніе. Никто не считалъ гостей затворника и тѣхъ кого онъ дѣлалъ соучастниками приносимаго ими по каплямъ утѣшенія, какъ человѣкъ пробуждающійся съ ощущеніемъ своего здоровья, не считаетъ своего пульса. Но къ концу жизни Преп. едва ли вырывался изъ какой груди православный по всему посѣверью скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призываніемъ имени Преподобнаго. Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были та духовная самособранность и нравственное мужество, которыя легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія. Которыя, связанныя неразрывно съ именами Святѣйшаго Муч. Гер., Преп. трудника Иринарха,—Муч. исповѣдника Ѳеодосія Астрах., стоятеля крѣпкаго Филарета Ник., Кирилла мирнаго Митр., и другими адамантами, послужившими прямо своему отечеству и поминаемыми нынѣ, создали „досточудное и храброе дѣло“ 612 г.—

Откуда взялись Минины и Пожарскія отважившіеся на такое дѣло, о которомъ Ярославцы, и др. конечно, говорили какъ о неначаемомъ? Но мы видѣли труды этихъ выдаю-

щихся, слышали слова ихъ,—знаемъ, что Преп. дыша святымъ народнымъ духомъ благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго народнаго ополченія—словомъ „иди теперь смѣло Князь, не бойся—побѣдишь“... и—неначаемое училось!

Время давно свѣяло дѣла эти съ народной памяти, какъ оно же глубоко замело вѣковой пылью кости бойцовъ 612 г. Но память о вдохновителяхъ—*жива* и чествуется нынѣ среди насъ. Эта „память“ говоритъ намъ, что всѣ они были подобострастны намъ, плоть отъ плоти, кость отъ костей нашихъ, но поднялись на такую высоту о которой не чаяли, чтобъ она была кому доступна. При этихъ именахъ и по сію пору воспоминается нравственное народное возрожденіе сдѣлавшее возможнымъ и политическое: затверживается правило, что политическая крѣпость возможна и прочна тогда, когда она держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе, и это правило самые драгоцѣнные вклады, кои заложены этими дѣятелями въ живую народную душу, въ нравственное содержаніе народа.

Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками дѣяній на общее благо; памятью дѣятелей, внесшихъ наибольшее количество добра въ свое общество. Съ этими памятниками и памятью срастается народное нравственное чувство, — они его питательная почва, въ нихъ—его корни. Оторвите его отъ нихъ—и оно завянетъ какъ скошенная трава. И питаютъ они не самомнѣніе, а мысль объ отвѣтственности потомковъ предъ великими предками.

И мы творя нынѣ память сихъ, мы провѣряемъ самихъ себя, пересматриваемъ свой нравственный запасъ завѣщанный нами его великими строителями; обновляемъ его въ себѣ и обязуемся пополнять произведенныя въ немъ затраты.

Врата Моск. Усп. Собора, монастырь затворника—Иринара и другихъ хранящихъ нетлѣніе дѣлателей сихъ затворятся, лампады надъ гробами ихъ погаснутъ, и памятники — на Красной Площади и др. воздвигнутые въ разныхъ мѣстахъ падутъ поэтому только тогда, когда мы безпечно растратимъ оставленное намъ нравственное богатство—не пополняя его, не слѣдуя завѣтамъ старины родной—святой.—

№ 2.

О политическомъ значеніи Ярославля въ смутное время *).

Одинъ извѣстный русскій писатель сказалъ про Москву:

„Разжалованная Императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена Императоромъ Наполеономъ (сколько волею, вдвое того неволею) въ столицы Народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую онъ чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Москвой...

Она въ 1612 году кровью обвѣнчалась съ Россіей и сплавилась съ нею огнемъ 1812 года".

Въ нынѣшній годъ Русь вспоминаетъ и о славномъ пожарѣ Москвы 1812 г. и объ изгнаніи дружными силами войска и народа полчищъ Наполеона изъ предѣловъ отечества, вспоминаетъ также и о страшномъ лихолѣтіи триста лѣтъ тому назадъ.

Оба раза, и въ 1812 и въ 1612 году багровое зарево пожара Москвы и поруганіе надъ московскими святынями послужили сигналомъ, который побудилъ землю под-

*) Рѣчь почетнаго Члена Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, проф. Э. Н. Берндтса, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи названной Комиссіи 24 мая 1912 г.

няться на врага и, жертвуя и имуществомъ и жизнью, постоять за національную и государственную честь.

Сто лѣтъ тому назадъ Ярославлю не пришлось играть выдающуюся роль въ борьбѣ съ иноземнымъ нашествіемъ. До него доходили только отклики исполинской борьбы. Въ его стѣнахъ искали убѣжища тѣ, кто предпочелъ разореніе покорности непріятелю. Въ немъ находили пріютъ раненые на Бородинскихъ поляхъ. Ярославское ополченіе, наравнѣ съ ополченцами другихъ губерній, выступило въ походъ и принимало въ немъ участіе, пополняя порѣдѣвшіе ряды арміи. Въ Ярославлѣ 1812 года жила любимѣйшая сестра Александра I, Великая Княгиня Екатерина Павловна, которая, какъ доказываетъ недавно изданная переписка ея съ державнымъ братомъ, поддерживала страстными письмами его рѣшимость лучше отпустить бороду и кормиться картофелемъ за Ураломъ, нежели согласиться на заключеніе мира съ покорителемъ почти всей Европы. Здѣсь ея супругъ, Принцъ Георгъ Ольденбургскій, посѣщая госпитали, заразился злокачественной лихорадкой, которая и свела его въ могилу, здѣсь родился ихъ сынъ, незабвенный гуманистъ, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Врагъ къ Ярославлю не приблизился, только плѣнные соратники Наполеона увидѣли берега Волги.

Иное участіе пришлось на долю Ярославля три столѣтія тому назадъ, въ эпоху несравненно болѣе тяжелую, въ злополучное лихолѣтіе, бѣдственные слѣды котораго долго еще не могли изгладиться изъ памяти народной, которое нанесло Россіи раны, залѣченныя только послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій.

Да и потрясеніе, которое пришлось пережить Россіи, было вѣдь куда болѣе тяжкое и глубоко-дѣйствовавшее. Вѣдь не съ однимъ внѣшнимъ, хотя бы и страшнымъ и могучимъ врагомъ, пришлось имѣть дѣло. Смутное время было несомнѣнно свидѣтелемъ немалаго количества геройскихъ подвиговъ. Оно вывело на историческую сцену и крупныя и свѣтлыя личности. Оно дало Россіи и Михаила Скопина-Шуйскаго, и Патріарха Гермогена, и Архимандрита Діонисія, и келаря Палицына, и Минина, и князя Пожарскаго, и рядъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей, а еще большее количество людей всѣхъ московскихъ чиновъ, отъ бо-

ярина начиная и кончая намъ неизвѣстными и тогда уже скоро забытыми, а потому сугубо самоотверженными маленькими людьми, изъ посадскихъ и крестьянъ, которые не спрашивали будетъ ли ихъ имя занесено въ лѣтопись, которые несли безъ надежды на награду и личную славу бремя службы въ ополченіи, за монастырскими стѣнами, въ осадномъ сидѣніи или въ качествѣ развѣдчиковъ и посланцевъ, которые должны были съ посланіями и грамотами Троицко-Сергіевской Лавры, и Патріарха Гермогена, и Нижняго и Ярославля пробирать себѣ путь изъ Москвы и въ Москву, въ далекіе посады, села и деревеньки. Безъ нихъ бы не состоялось ни ополченія, ни единенія земли, ни освобожденія Москвы.

Но великіе историческіе подвиги не даются безъ тяжкихъ разочарованій, безъ нравственныхъ потрясеній, не даются безъ того, чтобы людская слабость, эгоизмъ, двоедушіе и малодушіе не вступали въ соревнованіе съ чувствомъ долга и присяги. Не на свѣтломъ фонѣ всеобщаго, нераздѣльнаго всѣмъ патріотизма выступаютъ народные герои 1612 года. Лѣтопись говоритъ о томъ, что русскому народу пришлось подняться изъ глубокаго паденія нравственнаго, что тѣмъ кто его поднялъ на отчаянную борьбу— пришлось пересилить массу препятствій, изъ которыхъ не послѣднее было то, что сила неправды одолѣла Русь въ тѣ годы, которые предшествовали смутѣ, неправды, благодаря которой Россіи пришлось извѣдать и черствое самолюбіе отдѣльныхъ классовъ населенія, и властолюбіе знатныхъ и, наконецъ, измѣну въ собственномъ домѣ, измѣну всему, что почиталось лучшими людьми за священнѣйшее достояніе родины.

Аврамій Палицынъ говоритъ про это время:

„Мы впали во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и въ неправды. Всякъ отъ своего чину выше начаша всея дѣяти. Царемъ играху, яко дѣтищемъ и выше мѣры своея жалованія хотяша“.

Что смута не была внезапнымъ, неожиданнымъ событіемъ, вызваннымъ исключительно пресѣченіемъ древней династіи и появленіемъ и гибелью самозванцевъ — это доказано теперь изслѣдованіями нашихъ извѣстныхъ историковъ: Соловьева, Ключевскаго, Платонова и Забѣлина. Ихъ

труды раскрыли тотъ процессъ подготовки смуты, первые признаки которой едва замѣтны въ царствованіе Ивана Грознаго, сгущаются въ царствованіе его слабаго преемника, зловѣще замѣтны для всѣхъ уже при Борисѣ, пока, наконецъ, появленіе перваго самозванца не подаетъ сигналъ къ тому, что глубокое соціально-политическое броженіе разразилось въ всеземскую бурю.

Позвольте мнѣ только вкратцѣ указать на главнѣйшіе факторы смуты.

Вамъ извѣстно, что когда-то незначительное и политически слабое Московское княжество, попавшее въ руки младшаго сына одной изъ младшихъ вѣтвей Рюрикова дома, медленно, но неустанно росло благодаря колонизаторскимъ талантамъ скопидомству, политическому чутью и ловкости потомковъ Данилы Александровича, которые сумѣли воспользоваться и духовно-нравственными и политическими силами и экономическими условіями, чтобы выдвинуться изъ среды сородичей-князей, скопить въ своихъ рукахъ все возраставшую вотчину, не успѣвшую раздробиться, несмотря на то, что вплоть до Ивана III московскіе вотчинники-государи—не доросли до сознанія о необходимости замѣнить частно-правовое начало дробленія территоріи и средствъ государевыхъ по завѣщанію—государственнымъ началомъ единонаслѣдія и единодержавія. Къ счастью для Москвы удѣлы въ Московскомъ княжествѣ были недолговѣчны. Однако и при Іоаннѣ III Москва не развилась еще до дѣйствительно государственной жизни. Несмотря на расширеніе территоріи, на паденіе татарскаго ига, на подчиненіе болѣе слабыхъ князей Московскому Государю — на государство все еще смотрѣли, какъ на вотчину. Не было ни твердыхъ законовъ, ни единства управленія и суда въ государствѣ, гдѣ отдѣльныя части вѣдались по указаніямъ жалованныхъ грамотъ, изъемлющихъ весьма крупную часть населенія изъ-подъ суда и управленія органовъ Государя въ пользу мѣстныхъ льготныхъ владѣльцевъ. А между тѣмъ Московское царство, состоявшее по терминологіи того времени, изъ многихъ государствъ, выросло за предѣлы возможности вотчиннаго управленія, при которомъ населеніе играло роль части хозяйственнаго инвентаря, которымъ вѣдаетъ не Государь, какъ живое воплощеніе единства государства, а хозяинъ-

собственникъ дворцоваго хозяйства и его живыхъ и неживыхъ оброчныхъ статей.

И это дворцово-государственное хозяйство успѣло вырости въ крупную по своимъ внѣшнимъ очертаніямъ державу, которая была въ безопасности только на крайнемъ сѣверѣ, границамъ же которой и съ запада, и съ востока, и съ сѣверо-запада, и съ юга грозили сосѣди: или безпокойные, обломки когда-то великой золотой орды, или зазистливые и честолюбивые, какъ Польско-Литовское государство и Швеція. Рѣдко проходилъ годъ безъ вооруженной борьбы съ сосѣдями.

Передышки для внутренняго домостроительства Москва не имѣла. Она, благодаря своему открытому на всѣ стороны географическому положенію, была военнымъ станомъ, для котораго мирный хозяйственный трудъ былъ дѣломъ необходимымъ, но рѣдко безопаснымъ и спокойнымъ. Тамъ, гдѣ силы идутъ на внѣшнюю борьбу, тамъ, гдѣ ихъ не хватаетъ для внутренняго строенія, и общественный строй слагается не согласно требованіямъ хозяйственнымъ и мирно культурнымъ, а согласно грубымъ требованіямъ войны,— Московская власть должна была требовать отъ населенія, отъ всѣхъ его чиновъ жертвъ и притомъ зачастую непосильныхъ жертвъ. Тягло государственное легло на всѣ плечи. Пріобрѣтеніе новыхъ малонаселенныхъ земель повлекло за собой передвиженіе земледѣльцевъ съ насиженныхъ мѣстъ на новины—явленіе естественное, но опасное для землевладѣльцевъ государевыхъ слугъ, которые жаловались за свою службу землями и обязательнымъ трудомъ земледѣльцевъ. Крѣпостное право, хотя и не въ той полной формѣ, какую оно приняло въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи, было однимъ изъ послѣдствій крестьянскихъ передвиженій. Городская жизнь туго развивалась въ посадахъ, а торговля и промыслы рѣдко процвѣтали въ этомъ военномъ станѣ. Финансовыя тяготы сильно обременяли посадскихъ. Къ этимъ неблагопріятнымъ экономическимъ условіямъ въ XVI столѣтіи прибавился одинъ внутренній политическій факторъ.

Дворецъ государя наполнился княжьемъ, потомками сведенныхъ со столовъ удѣльныхъ и великихъ князей, которые признавали за собой право на совмѣстное съ государемъ управленіе землей, ибо всѣ они были одного дѣда

внуки и земля была отчиной ихъ предковъ. А на столѣ Московскомъ появился государь со смѣлымъ полетомъ мысли, со страстнымъ желаніемъ упрочить свою власть надъ этими слугами—сородичами, болѣзненно подозрительный и неуравновѣшенный въ своихъ политическихъ и домашнихъ жизненныхъ мечтаніяхъ. Россія, шедшая на пути къ единству, должна была быть свидѣтельницей раздвоенія на земщину и опричину. Послѣдняя, по мысли грознаго царя, должна была съ корнемъ вырвать всякія древне-династическія связи въ отдѣльныхъ государствахъ Московскаго царства. Разгромы боярскихъ и княжескихъ семей и невзгоды ливонской войны самымъ гибельнымъ образомъ отразились на соціальной и экономической жизни Московской Россіи. Гибель знатныхъ домовъ повлекла за собой отпускъ на волю ихъ дворни, холоповъ боярскихъ, которые, не находя пристанища въ старыхъ мѣстахъ, пошли къ дикому полю на югъ, бродили по окраинамъ, какъ элементъ озлобленный и неспокойный. За ними потекли устрашенные тяжестью финансовыхъ и военныхъ обязанностей крестьяне и посадскіе въ поискахъ болѣе вольной жизни; ихъ всѣхъ манилъ рубежъ и поле на окраинахъ. Русь, взбудораженная опричиной, истощенная внутренними неурядицами и военными жертвами, въ концѣ концовъ дожила до прекращенія той династіи, которая была единственной силой, сдерживавшей или способной заставить притихнуть соціальную рознь. На престолѣ появился царь не извѣчный, не природный, царь родъ котораго не былъ связанъ съ судьбами Москвы и Руси, а выслужившійся, надъ которымъ, кромѣ того, тяготѣло подозрѣніе въ участіи въ томъ темномъ дѣлѣ, которое разыгралось въ Угличѣ. Недоставало только одного: опасности, что и та великая вѣковая духовно-нравственная сила, которая воспитала нравственныя и религіозныя воззрѣнія и навыки народные, православная церковь перестанетъ быть единственной руководительницей душевной жизни русскихъ, что въ конкурренцію съ ней вступитъ латинство — чтобы русскій народъ потерялъ почву подъ ногами и мысль его заколебалась въ этомъ вихрѣ политическихъ и религіозныхъ опасеній.

Соціальная рознь, недовѣріе къ новой династіи и опасеніе нашествія ереси—все это вмѣстѣ и создало ту смуту,

которая разразилась на Руси смуту настолько же внѣшнюю, насколько внутреннюю и нравственную, то шатаніе умовъ, благодаря которому понятнымъ стали и легковѣріе въ отношеніи самозванцевъ и неустойчивость въ отношеніи различныхъ соблазнительныхъ, но вполнѣ неискреннихъ обѣщаній всякихъ льготъ, и то постыдное зрѣлище перебѣжчиковъ, птицъ перелетныхъ, которые мѣняли свои убѣжденія нѣсколько разъ въ годъ, присягали сегодня самозванцу, а завтра Шуйскому, затѣмъ Владиславу и Сигизмунду и королевичу Филиппу Шведскому, и которые, отчаявшись въ возможности сохраненія Россіи, какъ государства самобытнаго, искали собственной прибыли въ бѣдствіи народномъ, справедливо заслуживъ упрекъ въ „воровствѣ".

Не миновала эта внутренняя и внѣшняя смута и Ярославля, и онъ палъ въ неправду, но затѣмъ быстро оправился и искупилъ свою вину передъ родиной дѣятельнымъ участіемъ въ ея спасеніи.

Ярославль на рубежѣ XVI и XVII столѣтій былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Россіи Благодаря своему географическому положенію онъ сталъ бойкимъ торговымъ центромъ. Стоя на мѣстѣ, гдѣ скрещивались торговые пути отъ Поморья къ Москвѣ и отъ Новгорода къ низовымъ мѣстамъ, онъ разбогатѣлъ, но зато онъ потерялъ значеніе пункта военной обороны. Его стѣны стояли полуразрушенными и только рубленный городъ да Спасскій монастырь могли въ случаѣ нужды отбить непріятеля, котораго впрочемъ ярославцы уже давно болѣе не видывали подъ своими стѣнами.

Населеніе Ярославля почиталось, очевидно, стойкимъ и благонадежнымъ, ибо Ярославль какъ и въ XVIII столѣтіи, такъ и въ началѣ XVII былъ мѣстомъ, куда ссылали людей почему-либо подозрительныхъ или опасныхъ.

При царѣ Борисѣ проживалъ здѣсь въ рубленномъ городѣ интересный человѣкъ, судьба котораго сложилась крайне странно и который противъ воли сталъ одной изъ причинъ той вражды, которую польскій король питалъ противъ царя Бориса, вражды, которая побудила этого короля, вопреки желанію польскаго сейма, поддержать личными средствами перваго самозванца. То былъ Густавъ шведскій, сынъ несчастнаго короля Эрика XIV и финской крестьянки

Коринъ Монсъ-доттеръ, брошенный послѣ убіенія отца на произволъ судьбы. Его пригласилъ въ Россію и пригрѣлъ при своемъ дворѣ Борисъ, конечно, не ради одного милосердія: въ его рукахъ онъ долженъ былъ сыграть роль въ борьбѣ съ сосѣдями. Борисъ хотѣлъ его женить на дочери Ксеніи и, очевидно, выставлялъ его кандидатомъ на шведскій престолъ въ то время, когда между дядей этого принца, королемъ Карломъ и двоюроднымъ братомъ, королемъ Сигизмундомъ шла борьба изъ-за этого престола. Ясно, что такой гость былъ бѣльмомъ на глазу и Сигизмунда, и Карла и что ни тотъ, ни другой не хотѣли простить Борису его дальновиднаго гостепріимства. Ярославль не былъ враждебенъ Борису, онъ склонился и передъ первымъ самозванцемъ, вѣря, какъ и большинство русскихъ того времени въ него, какъ въ истиннаго отпрыска угасшаго рода Ивана Калиты. Подчинился Ярославль и Василію Шуйскому, который, какъ Рюриковичъ, имѣлъ несомнѣнно болѣе правъ на престолъ, нежели Годуновъ.

Въ Ярославль была отправлена вдова самозванца—полька Марина съ ея свитой и проживала здѣсь, пока Шуйскій ее съ поляками не отпустилъ въ Польшу на честное слово, что она не признаетъ второго самозванца.

Какъ она сдержала свое слово, о томъ свидѣтельствуетъ исторія.

Въ 1608 году для Ярославля наступила пора испытаній. Поляки и русскіе измѣнники двинулись на сѣверъ въ Ростовскую и Ярославскую земли.

Не устояли ярославцы передъ врагомъ и цѣловали крестъ Тушинскому вору, несмотря на увѣщанія Ростовскаго митрополита Филарета, убѣждавшаго всѣхъ твердо стоять за православную вѣру и быть вѣрнымъ царю Василію.

Впрочемъ недолго Ярославцы оставались на сторонѣ измѣнниковъ. Уже черезъ три мѣсяца они встали вновь за царя и противъ вора, подчинились воеводѣ, присланному Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ, „принесли вины свои государю царю и крестъ ему цѣловали.“

Не дешево обошлось городу это отпаденіе отъ воровского стана. Тушинцы съ потерею Ярославля помириться не хотѣли и грозили отомстить ему за переходъ къ царю

Василію. Спѣшно воеводы и войско и жители стали укрѣплять городъ, посадъ и слободы. Затѣмъ, когда враги подъ начальствомъ пана Лисовскаго напали на Ярославль, ярославцы стойко выдержали и осаду и натиски поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, не соблазнились никакими обѣщаніями Тушинскаго самозванца и заставили вражье войско снять осаду. Объ этой памятной осадѣ и о бѣдствіяхъ, которыя пережилъ Ярославскій край, память осталась жива въ народѣ. Въ оградѣ Толгскаго монастыря имѣется склепъ, гдѣ похоронены монахи, защитники монастыря Въ Ярославлѣ имѣется городская часть, которая носитъ названіе „Таборы“, ибо по преданію здѣсь стоялъ станъ Лисовскаго, на площади передъ Соборомъ лежатъ старинныя орудія, которыя, такъ гласитъ преданіе, служли Ярославлю для обороны противъ воровскихъ шаекъ.

А въ окрестностяхъ Ярославля близъ селъ Воскресенскаго и Пономарева народъ до нынѣ называетъ нѣкоторые курганы — пановыми могилами и такъ какъ въ памяти народной нерѣдко событія, разъединенныя столѣтіями, сливаются въ одну причудливую картину, то приходится выслушивать и странные разсказы. Вверхъ по Волгѣ противъ Норскаго посада, показываютъ небольшую сосновую рощу, которая носитъ названіе „камратъ“. Простонародье разсказываетъ, что здѣсь были сожжены французы Наполеона. Конечно о французахъ и рѣчи быть не можетъ 1812 годъ здѣсь не причемъ. Вѣроятно — мы имѣемъ дѣло съ отголоскомъ давнишнихъ разсказовъ о набѣгѣ Лисовскаго и о мести ожесточенныхъ гибелью Толгской Святыни, окрестныхъ жителей.

Послѣ геройской защиты города, Ярославцы, болѣе не унижались до измѣны. Стойко вынесли они страшные годы 1610 и 1611, когда послѣ сведенія Шуйскаго съ престола, на Руси, въ мятежномъ броженіи аспиранты на престолъ царскій выростали какъ грибы послѣ дождя, когда шатаніе умовъ дошло до того, что не только Тушинскій воръ, и его сынъ отъ Марины, затѣмъ какой то новый псковскій самозванецъ Сидорка, находили приверженцевъ, но что даже члены высшаго боярства, люди именитые, соглашались вступить въ переговоры съ вѣковѣчнымъ врагомъ Россіи, съ Польскимъ королемъ, предлагая вѣнецъ

царскій сыну его Владиславу, а затѣмъ, склоняясь на предложеніе содѣйствовать осуществленію честолюбивыхъ замысловъ самого Сигизмунда, рѣшили избрать его въ цари и тѣмъ превратить Россію въ принадлежность Рѣчи Посполитой, которая по всей вѣроятности обошлась бы съ Московскимъ государствомъ точно также, какъ она обходилась съ Литвой, когда-то и не такъ еще давно, бывшей преимущественно русскимъ Великимъ Княжествомъ. А на сѣверѣ, въ Новгородѣ засѣли шведы и прочили, не безъ согласія многихъ новгородцевъ, — на престолъ царскій — своего королевича Карла Филиппа. Москва въ рукахъ поляковъ и разной вольницы, носившей въ то время названіе казаковъ. Нужно имѣть въ виду, что если въ то время говорятъ о казакахъ, то не имѣлось въ виду нынѣшнее устроенное казачье войско, а самый разнообразный по своему составу сбродъ людей, и русскихъ гулякъ и любителей воровскихъ набѣговъ съ дикаго поля и инородцевъ, къ нимъ приставшихъ. Разрушеніе и смятеніе было такъ велико, что не малое количество потеряло всякую надежду на спасеніе и что малодушіе вызвало къ жизни необузданный личный и классовый эгоизмъ, который, во время всеобщаго пожара, думалъ только о томъ, какъ вырвать больше добычи изъ гибнувшаго государственнаго и народнаго достоянія.

Сѣверная Русь, и Ярославль, и Кострома, и Вологда, и Великій Устюгъ, и тотъ городъ, который сталъ во главѣ земскаго движенія,—Нижній Новгородъ, осматривались вокругъ и искали точки опоры, чтобы встать на спасеніе родины. И такая опора нашлась въ лицѣ одного человѣка. То былъ патріархъ Гермогенъ, котораго Забѣлинъ столь мѣтко называетъ: „крѣпкимъ адамантомъ правды и прямоты“.

Уже при царѣ Василіи онъ возставалъ противъ различныхъ эгоистическихъ затѣй. Послѣ сверженія царя въ страшную пору семибоярщины, послѣ занятія Москвы поляками, разрушенія всѣхъ почти близкихъ къ Москвѣ городовъ, одинокій, угрожаемый и измѣнниками и поляками, скоро брошенный въ подземелье въ Чудовомъ Монастырѣ, онъ шлетъ грамоту за грамотой по городамъ. И онѣ достигаютъ цѣли. Гермогенъ сталъ одной изъ самыхъ вели-

чавыхъ личностей въ русской исторіи, но его твердый голосъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если бы не нашлись не столь крупные, но столь же самоотверженные люди, которые взяли на себя трудъ съ этими патріаршими грамотами пробраться изъ плѣненной Москвы въ тѣ города, гдѣ по расчетамъ Гермогена, можно было надѣяться на народное движеніе. Большинство этихъ героевъ осталось намъ неизвѣстнымъ, Сохранились имена двухъ такихъ посланцевъ Гермогена: Родіона Мосѣева и Романа Пахомова. Дошла такая грамота и до Ярославля (въ 1611 году) и Ярославль, поднятый на ноги патріархомъ, разсылаетъ отъ себя увѣщательныя грамоты въ другіе города и на Сѣверъ и на Востокъ, о томъ чтобы всѣ собрались съ силами для защиты государства и земли.

Ярославль снарядилъ ополченіе. Къ нему примкнули ополченцы изъ другихъ болѣе мелкихъ городовъ и въ мартѣ 1611 года это народное войско, подъ начальствомъ воеводы Волынскаго двинулось къ Москвѣ.

Подъ стѣнами Москвы уже стояло несравненно болѣе многочисленное ополченіе, однимъ изъ начальниковъ котораго былъ извѣстный Прокопій Ляпуновъ. Но плохо организованное войско, руководимое не людьми, которые способны были забыть свое собственное я и его честолюбивые помыслы и помнить только о родинѣ, не дѣйствовало успѣшно. Разногласіе между предводителями, ихъ взаимная вражда и зависть, рознь между ополченцами и казаками, содѣйствовало тому, что встрѣченное надеждами движеніе въ пользу Москвы, кончило плачевно. Ляпуновъ палъ, осиротѣвшее войско не имѣвшее начальника, безкорыстію коего можно было вѣрить, отчасти разошлось, отчасти само предалось грабежу. Ярославское ополченіе не могло принести помощи, да и едва ли оно подоспѣло во время.

Такъ первое народное движеніе кончилось неудачею. Казалось, что правы были тѣ малодушные, которые убѣждали противниковъ, смириться передъ Польшей и не начинать борьбы безнадежной.

Но поволжскіе города не такъ легко теряли надежду. Въ Нижнемъ Новгородѣ, также воспламененномъ Гермогеновыми посланіями и грамотами, уже подготовлялось новое, лучше организованное движеніе. Къ этому времени высту-

паетъ со своими горячо и вдохновенно составленными воззваніями и Троице-Сергіевская Лавра, съ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ Палицинымъ во главѣ. И на этотъ разъ нашлись и руководители, которые кромѣ военныхъ и административныхъ способностей, которыми обладалъ и Ляпуновъ, обладали и тѣмъ, чего Ляпунову съ товарищами недоставало: чистотой намѣреній и безкорыстной готовностію послужить родинѣ безъ честолюбивыхъ разсчетовъ на собственное возвышеніе.

Имена ихъ общеизвѣстны: Земскій староста Мининъ и Воевода стольникъ Князь Пожарскій.

Мининъ былъ виднымъ человѣкомъ въ Нижнемъ. Онъ занималъ должность земскаго старосты, т. е. былъ органомъ того земскаго самоуправленія, которое было создано Грознымъ Иваномъ IV въ свѣтлую пору его царствованія. Всѣмъ извѣстно, что этотъ облеченный довѣріемъ своихъ согражданъ земскій староста искренней горячей рѣчью побуждалъ Нижегородцевъ встать за единъ человѣкъ для послѣдней, рѣшительной борьбы съ инородческимъ нашествіемъ и внутренней измѣной. Его рѣчь нашла живой откликъ въ сердцахъ Нижегородцевъ. Они рѣшили не пощадить ни достатка, ни семьи, ни жизни для спасенія родины. Но велика была опасность, что этотъ взрывъ энтузіазма поведетъ къ такому же опрометчивому движенію, каковымъ было Ляпуновское ополченіе. И тутъ сказался великій умъ этого земскаго человѣка, и его высокія нравственныя качества. Три начала положены имъ въ основу всей организаціи спасенія и возстановленія государства.

Первое: дѣйствовать не врознь, не отъ имени одного города или уѣзда, класса или чина людей, а всей землей. Второе: ни въ какомъ случаѣ не избирать на осиротѣвшій престолъ иностраннаго властителя, ни въ какомъ случаѣ не вступать въ соглашеніе или переговоры ни съ Польшей, ни съ Швеціей, ни съ самозванцами, а избрать русскаго коренного царя и непремѣнно его избрать, ибо русскій человѣкъ того времени могъ скорѣе представить себѣ государя безъ государства, но никакъ не государства безъ государя, какъ вѣнца всего общественнаго строя и живого воплощенія земскаго единства. Третье: прочно организовать

ополченіе, хорошо его вооружить и обезпечить его продовольствіемъ, ибо практическій умъ Минина понималъ, что однихъ душевныхъ порывовъ недостаточно и что нельзя пустыми руками отвоевать Москву и съ пустымъ желудкомъ выпроводить ляховъ изъ Кремля. И стойко онъ держался этихъ началъ до славнаго конца. Человѣкъ заурядный въ его положеніи могъ легко стать жертвой собственнаго честолюбія и соблазниться мыслью лично встать во главѣ народнаго войска. Онъ не поддался этому искушенію. Онъ взялъ на себя скромную роль администратора и интенданта и настоялъ на избраніи достойнаго полководца, достойнаго не только въ смыслѣ военномъ, но лихости и отвагѣ. Лихихъ и отважныхъ людей не мало породила смута. Но глава ополченія долженъ былъ удовлетворять еще одному рѣдкому въ то время качеству. Онъ долженъ быть чистымъ человѣкомъ, не загрязненнымъ измѣной, шатаніемъ мысли и воровствомъ, какъ говорилъ тогда народъ. Мининъ указалъ на Князя Пожарскаго. Этотъ рюриковичъ, потомокъ стародубскихъ князей, былъ именно такимъ человѣкомъ. Онъ не только отличался отважной храбростью и непоколебимой твердостью въ сраженіяхъ и осадахъ, противъ самозванцевъ, разбойниковъ и поляковъ. Онъ доказалъ, что кривить душой не способенъ и былъ глухимъ ко всѣмъ искусителямъ, которые заманивали его къ себѣ блестящими обѣщаніями. Израненный воевода согласился и всталъ во главѣ народнаго войска. Сравнительно быстро собралось это войско. Со всѣхъ сторонъ, даже изъ опустошенной Смоленской земли, пришли ратники въ Нижній. Хорошо вооруженное и снабженное всѣмъ необходимымъ за счетъ населенія, которое обложило себя едва посильнымъ налогомъ, войско двинулось, но не прямо на Москву, какъ того многіе желали. Оно двинулось въ Ярославль, который былъ избранъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ другихъ городскихъ и уѣздныхъ ополченій и который долженъ былъ служить и точкой опоры для рѣшительной борьбы. Выборъ былъ вполнѣ правильный. Не только можно было расчитывать на самоотверженное участіе Ярославцевъ, сюда могли кратчайшимъ путемъ подойти ратники изъ сѣверныхъ, еще мало пострадавшихъ уѣздовъ. Войско могло окончательно сформироваться, имѣя между собой и Москвой крѣпкій за-

слонъ: Троицко-Сергіевскую лавру, которой страшились враги, помня свое пораженіе подъ ея стѣнами.

И враги узнали о выборѣ Ярославля этимъ центромъ войсковой организаціи и къ Ярославцамъ обратились съ лестными предложеніями, а потомъ и съ угрозами, дабы отклонить ихъ отъ всякаго участія въ народномъ дѣлѣ. Ярославцы не колебались, хотя уже казаки Заруцкаго и поляки Просовецкаго подошли къ городу, грозя его спалить и всѣхъ жителей перебить.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1612 года подоспѣлъ передовой отрядъ Нижегородскаго ополченія и въ началѣ апрѣля пришло и главное войско.

Почти четыре мѣсяца оно простояло въ Ярославлѣ, расположившись, какъ гласитъ преданіе, около села Крестo-Богородскаго, спиной къ городу, на тѣхъ возвышенностяхъ, съ которыхъ открывается видъ на весь Ярославль, вблизи тѣхъ мѣстъ, съ которыми связана память о кровавыхъ событіяхъ давно минувшихъ временъ; не далеко отъ Туговой горы, гдѣ по преданію похоронены павшіе въ 1259 г. при первой попыткѣ возстанія на татаръ, не далеко и отъ Карабихи, гдѣ также по преданію произошелъ рѣшительный бой между Василіемъ Темнымъ и Шемякой, послѣднимъ борцомъ за удѣльно-родовое начало.

Это продолжительное стояніе подъ Ярославлемъ не было временемъ безмятежнымъ, временемъ, когда господствовало полное согласіе и не было попытокъ въ послѣднюю минуту сломить народную энергію и отклонить народныя силы отъ борьбы на животъ и на смерть. И Пожарскому и его товарищамъ и Минину пришлось именно здѣсь пережить самыя тяжелыя можетъ быть времена. Нетерпѣливые и страстные люди, какъ Аврамій Палицынъ, не хотѣли понять почему стоитъ войско бездѣятельно, почему оно сытно кормится и медленно строится. Туда скорѣе — подъ Москву и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Но Пожарскій зналъ, почему медлилъ. Нужно было обезпечить тылъ, ибо на сѣверѣ къ Тихвину и Пошехонью проникли казацкіе отряды, зашевелились и шведы въ Новгородѣ. Первыхъ нужно было прогнать вторыхъ заставить замолчать, убѣдить и Новгородцевъ не поддаваться иноземцамъ, А въ Ярославлѣ разразился моръ и затѣмъ, появилась другая худшая зара-

за—измѣна. На Пожарскаго было сдѣлано покушеніе. Онъ былъ спасенъ. Но изъ Нижняго пришелъ вмѣстѣ съ войскомъ человѣкъ, который игралъ вреднѣйшую роль и уже въ Нижнемъ старался подкопаться подъ Минина, нѣкій Биркинъ, который въ Ярославлѣ занимался интригами, побуждаемый и завистью противъ Пожарскаго и Минина, а вѣрнѣе всего, бывшій агентомъ если не поляковъ, то князя Трубецкаго и Заруцкаго, начальниковъ той вольницы, которая погубила Ляпунова.

Однако вожди войска неуклонно стояли на своемъ и не поддавались ни нетерпѣливымъ упрекамъ Палицына, ни соблазнительнымъ нашѣвамъ, шедшимъ отъ Трубецкаго и Заруцкаго, ни кознямъ Биркина и его единомышленниковъ. Были мгновенія, когда и они почти теряли терпѣніе и уныніе охватывало ихъ. Они обращались къ духовной власти съ просьбой содѣйствовать примиренію различныхъ партій, на которыя грозило раздробиться народное войско. Въ Ярославль прибылъ бывшій Ростовскій митрополитъ Кириллъ, когда то изгнанный съ Метрополіи первымъ самозванцемъ. Его пастырское увѣщаніе подѣйствовало и опасная смута притихла. Ярославль въ 1612 г. былъ не только военнымъ станомъ. Въ немъ засѣдалъ земскій соборъ, который затѣмъ и сопровождалъ войско подъ Москву. Конечно, это не былъ одинъ изъ тѣхъ сравнительно стройно организованныхъ земскихъ соборовъ, которые впослѣдствіи въ одиночествѣ съ царями Михаиломъ и Алексѣемъ строили русскую землю и залѣчивали раны, отъ смутнаго времени оставшіяся. Не было перваго члена собора, Царя, не было боярской думы, не было освященнаго собора. Соборъ, вѣроятно, болѣе напоминалъ древнія вѣча, но и этотъ нестройный органъ народнаго самоуправленія принесъ свою немаловажную пользу. Онъ говорилъ отъ имени земли, на что не были уполномочены ни Пожарскій съ товарищами, ни Мининъ съ други земскими старостами.

Этотъ земскій соборъ и разсылалъ окружныя грамоты во всѣ города и уѣзды, моля твердо стоять за начатое дѣло, обращаясь и къ шатавшимся во всѣ стороны предводителямъ казацкой вольницы подъ Москвой, моля и ихъ отложиться отъ самозванства и примкнуть къ народному дѣлу.

Только тогда, когда все было улажено и все устроено, что было достижимо для человѣческихъ силъ, — 28 іюля Пожарскій во главѣ войска двинулся въ походъ. На пути къ Москвѣ Пожарскій заходилъ въ Ростовъ къ затворнику Иринарху, принялъ отъ него благословеніе и знаменитый его подвижническій крестъ, который и сопровождалъ воеводу въ отчаянныхъ бояхъ у стѣнъ Кремля на пепелищѣ Москвы.

Въ рядахъ народнаго войска Ярославцы сражались въ почти ежедневныхъ бояхъ подъ Москвой, гдѣ множество ихъ и полегло, ибо польскій гарнизонъ отбивался столь геройски, сколь отважно Пожарскій, опять израненный бросался на приступъ.

Послѣ жестокихъ усилій цѣль была достигнуту. Москва освобождена, поляки вытѣснены и въ 1613 году могъ собраться новый и на этотъ разъ полный земскій соборъ для избранія царя. Такъ Ярославль, бокъ о бокъ съ Нижнимъ сыгралъ свою роль въ дни бѣдствія и конечнаго торжества.

Несомнѣнно, что тяжелое время еще далеко не миновало. Только послѣ прекращенія смуты, озираясь вокругъ, и правительство и народъ узнали, чего она стоила Россіи. Писцовыя, дозорныя и переписныя книги сообщаютъ, что населеніе городовъ, въ томъ числѣ и Ярославля, сократилось въ ужасной степени: въ иныхъ городахъ на 30, въ другихъ на 50, въ иныхъ даже на 60 процентовъ. Множество дворовъ стояло пустыми. А въ селахъ запустѣніе было столь же гибельное. И уменьшенное въ численности, обѣднѣвшее населеніе должно было въ теченіе многихъ лѣтъ платить тяжкіе налоги, десятую, даже пятую деньгу, вносить запросныя деньги и чуть не ежегодно вооружаться чтобы отражать все вновь наступавшихъ враговъ. Но оно терпѣливо несло эти тяготы, ибо люди того времени, въ сравненіи съ нашимъ, меньше требовали отъ государства, но зато больше давали ему...

300 лѣтъ прошло со времени лихолѣтія и Ярославскаго земскаго Собора. Прахъ того поколѣнія, которое перестрадало смуту, давно смѣшался съ матерью землей, но жива и должна быть живой благодарная память о герояхъ того времени, имена коихъ извѣстны потомкамъ, и о мно-

жествѣ безымянныхъ, которые всѣ жертвовали всѣмъ что имѣли: достаткомъ и семейнымъ очагомъ и жизнью для спасенія родины и которые увѣнчали свой подвигъ участіемъ въ великомъ земскомъ соборѣ 1613 года, который избралъ на царскій престолъ: „благо—цвѣтущую отрасль благороднаго корня“, Данила Александровича, Ивана Калиты и Дмитрія Донского.

№ 3.

Прошлое и будущее Ярославскаго края*).

Ярко озарилась передъ нами, въ изложеніи предшествующихъ ораторовъ, картина Ярославской жизни въ тѣ памятные дни, къ которымъ нынѣ обращены мысли всѣхъ присутствующихъ. Мрачная картина кровавыхъ сѣчь, пожаровъ, раззоренія Ярославскихъ городовъ и весей и угнетенности народнаго духа, сознавшаго, что гибнетъ русское государство, что нѣтъ у него болѣе Царя, что его столица въ рукахъ враговъ и что къ престолу царей Московскихъ православныхъ, уже протягиваются руки иноземныя и инославныя. Въ годину бѣдствій въ Ярославской землѣ не угасали только два источника свѣта. Одинъ изъ нихъ, исконный вѣковѣчный, свѣтъ вѣры православной, теплившійся въ сердцахъ народа надеждой на то, что Промыселъ Божій и на этотъ разъ смилуется надъ Россіей, а другимъ свѣточемъ—былъ государственный разумъ народа Ярославскаго.

Въ теченіе предшествовавшихъ шести вѣковъ своей многострадальной исторіи, Ярославцы выработали въ себѣ совершенно особый складъ ума и воли. Ихъ пониманію стали доступны не только задачи мѣстной жизни, но и начала общегосударственныя и къ осуществленію ихъ они

*) Рѣчь почетнаго члена Ярославской Ученой Архивной комиссіи члена Государственнаго Совѣта, б. Ярославскаго Губернатора Б. В. Штюрмера, читанная въ торжественномъ засѣданіи Комиссіи 24 мая 1912 г.

стремились съ несокрушимой энергіей. Благодаря такому закалу, Ярославцы не только сплотили мощь своего собственнаго края, но и привлекались ходомъ историческихъ событій къ разрѣшенію задачъ общегосударственнаго характера.

Въ дни древніе, на почвѣ Ростово Суздальской области, сложилась великорусская народность, носительница новой государственной идеи единовластія, спаявшей въ одно могучее цѣлое разъединенную Россію. Въ годину Монгольскаго нашествія Ярославскій край оказался настолько твердымъ и сплоченнымъ организмомъ, что ударъ Батыя разразился въ его предѣлахъ, далѣе Ярославля татары не пошли и были спасены отъ нихъ Новгородъ и весь сѣверъ и западъ Россіи.

Монгольское иго Ярославцы не переносили съ Кіевскимъ смиреніемъ и унынiемъ. Черезъ 20 лѣтъ. послѣ битвы на Сити и за 120 лѣтъ до Куликова поля Ярославцы возстали на татаръ и выгнали ихъ изъ своей земли. Вторично покоренные, Ярославцы обратились къ другому способу обезпеченія себѣ возможной самостоятельности. Мудрость въ этомъ дѣлѣ Ярославскаго народа и его умѣніе служить благу своей родины нашли себѣ яркое воплощеніе въ образѣ Св. Великаго князя Федора Ростиславовича Чернаго, 600-лѣтіе блаженной кончины котораго Ярославль чествовалъ въ 1899 году. Великій князь Федоръ Ростиславовичъ не сложилъ своей головы за родину на полѣ брани, по примѣру Ярославскихъ Великихъ князей Василія и Константина; онъ не принялъ вѣнецъ мученическій за вѣру православную, подобно Тверскому Великому князю Михаилу Ярославовичу и другимъ русскимъ людямъ, но онъ умѣлъ жить для блага своей родины, онъ умѣлъ служить вѣрѣ Православной. Подчиняясь ордѣ и неся ей службу, Великій Князь вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ своею мудростію и настойчивостію воли обезпечить своему княжеству миръ, самостоятельность духовную и свободу внутренняго распорядка. Дѣлу Православія онъ оказалъ безцѣнную услугу, добившись отъ хана права строить православные храмы въ самой ордѣ и отправлять въ нихъ богослуженіе, облегчая тѣмъ страданія тысячей томившихся тамъ русскихъ плѣнниковъ. Служеніемъ Церкви, умѣніемъ и за предѣлами своей области высоко держать знамя Православія,

началами государственности, мудрый правитель создалъ силу и величіе своего края. Церковь Православная причислила его къ лику Святыхъ, исторія сохранила его имя, наравнѣ съ именемъ Св. Князя Александра Невскаго, какъ имена князей домовладыкъ типа, сложившагося на сѣверѣ Руси, а въ памяти народной образъ Великаго Князя Федора запечатлѣлся высокимъ идеаломъ народной мудрости. Отъ него восприняли Ярославцы твердость духа, предпріимчивость и способность примѣняться ко всѣмъ условіямъ жизни, терпѣливо переживать дни мрачные, выжидая временъ благопріятныхъ, умѣніе обращать даже и враждебныя силы себѣ на пользу и даръ настойчиво проводить въ жизнь намѣченныя задачи.—Такими духовными свойствами народа создалось славное прошлое Ярославскаго Края; ими же онъ силенъ и до нынѣ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи Ярославцы, въ сознаніи преимущества единовластія, всегда поддерживали Москву въ ея борьбѣ съ удѣльными князьями и на поляхъ Карабихи, близъ Ярославля, былъ нанесенъ Великимъ Князямъ Московскимъ Василіемъ Темнымъ тотъ рѣшительный ударъ князю Галицкому Василію Косому, который, по свидѣтельству Карамзина, окончательно рѣшилъ паденіе удѣльныхъ князей и обезпечилъ единовластіе Москвы. Новую службу сослужилъ Ярославль русскому государству, когда въ началѣ 17 го столѣтія онъ стойко отражалъ всѣ набѣги поляковъ и тѣмъ сохранилъ для Россіи Двинскую область и все Поволжье, изъ которыхъ тогда и состояло все русское государство. Не случайно, такимъ образомъ, а въ полномъ сознаніи историческихъ заслугъ Ярославскаго народа передъ родиной и съ вѣрой въ его творческія способности, остановились Нижегородскія дружины передъ Ярославлемъ и ихъ вожди приступили къ организаціи дѣла освобожденія Россіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Ярославль триста лѣтъ тому назадъ сдѣлался на четыре мѣсяца столицей всея Руси, здѣсь засѣдало Правительство, здѣсь составился совѣтъ изъ представителей другихъ русскихъ областей, отсюда высылались отряды для борьбы со Шведами и казаками, здѣсь выработанъ былъ планъ освобожденія Москвы отъ поляковъ, столь блестяще

завершенный 22 октября 1612 года княземъ Пожарскимъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ 25 августа минувшаго 1912 года, профессоръ С. Ф. Платоновъ указалъ на мудрость, которую проявилъ К. Мининъ въ дѣлѣ установленія прочныхъ основаній для предстоявшей борьбы. Сотрудниками Минина въ этомъ дѣлѣ явились государственный разумъ Ярославцевъ и ихъ организаторскія дарованія. Потомки сыновъ единой Ростовско-Суздальской области, въ эти памятные дни, въ дружномъ между собой единеніи, проявили такой подъемъ духа, такія творческія способности, что ихъ общими усиліями была спасена Россія и зданіе русской Державы увѣнчалось избраніемъ Царя.—

На первыхъ же страницахъ новаго царствованія Ярославль снова выдвигается на сцену русской исторіи, какъ столица Царя избранника. Изъ Ярославля, 26-го марта 1613 г., была послана первая царская грамота съ именемъ Михаила въ Москву для извѣщенія объ избраніи его на царство.—

Историческія заслуги Ярославцевъ нашли себѣ признаніе въ указѣ 27 іюля 1692 г. царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, коимъ Великіе Государи указали: „городъ Ярославль въ своихъ Великихъ Государей грамотахъ писать отчиной, а приказную избу палатой“.

Не въ одномъ только дѣлѣ государственнаго строительства древній Ярославль сыгралъ выдающуюся роль въ исторіи Россіи, онъ же выдвинулъ ея на первый планъ и въ дѣлѣ развитія на Руси народнаго образованія. Уже въ началѣ 13-го столѣтія, Ростовскій князь Константинъ Всеволодовичъ, открылъ въ Ярославлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, школу для учителей, которыхъ онъ потомъ распредѣлялъ по всему сѣверу Руси. Въ эпоху Монгольскаго владычества свѣтъ знанія и просвѣщенія ярко горѣлъ въ монастыряхъ Ярославскихъ, и изъ нихъ Спасскій монастырь сохранилъ для образованной Россіи драгоцѣннѣйшій изъ памятниковъ древней письменности: „Слово о полку Игоревѣ“.

На порогѣ 20-го столѣтія, Ярославскій край занялъ первенствующее мѣсто среди другихъ губерній въ дѣлѣ начальнаго образованія. Опредѣляя степень развитія сего

послѣдняго процентомъ грамотности новобранцевъ, оказывается, что еще въ концѣ 19-го столѣтія неграмотныхъ новобранцевъ въ Ярославской губерніи было не болѣе 13 %. Въ томъ же году статистика Бельгійскаго Королевства дала 14 % безграмотныхъ новобранцевъ, во Франціи, правда, въ томъ году было только 5,7 %, но зато въ отдѣльныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи, какъ напр. въ Рыбинскомъ, неграмотныхъ новобранцевъ было не болѣе 5,3 %, а въ Угличскомъ уѣздѣ всѣ сто процентовъ новобранцевъ оказались грамотными.

Въ 1902 году начальныхъ школъ въ губерніи было 1037 съ 56 тысячами учащихся, къ 1 января 1912 г. школъ было 1215 и въ нихъ свыше 74 тысячъ учащихся.

Проводя дальнѣйшую параллель между развитіемъ просвѣщенія въ Ярославскомъ краѣ и у народовъ запада, нельзя не отмѣтить данныхъ того изслѣдованія, которое было произведено въ 1899 г., ко дню столѣтія годовщины рожденія Пушкина, Ярославскими сельскими учителями о степени знакомства мѣстнаго населенія съ Пушкинымъ. Оказалось, что болѣе $^2/_3$ дѣтей школьнаго возраста въ Ярославской губерніи знаетъ наизусть стихотворенія Пушкина и что въ половинѣ училищныхъ раіоновъ губерніи и взрослое населеніе обнаруживаетъ знакомство съ великимъ русскимъ поэтомъ, что среди Ярославскихъ крестьянъ есть много его глубокихъ почитателей, что произведенія поэта составляютъ очень часто предметъ подарка со стороны отсутствующихъ на промыслахъ Ярославцевъ своимъ семьямъ, и что нерѣдко матери разсказываютъ „Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ“ своимъ дѣтямъ. Эти данныя пріобрѣтаютъ особое значеніе при сопоставленіи съ однороднымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ одновременно въ Германіи и, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, приведшихъ къ заключенію, что сочиненія величайшаго германскаго поэта Гете, и даже самое его имя, столь близкое просвѣщенному обществу и городскому населенію, почти совершенно неизвѣстны сельскому населенію этой страны. Если, такимъ образомъ, въ культурной Германіи, въ ея сельскомъ населеніи такъ слабо развиты духовныя потребности высшаго порядка, то тѣмъ отраднѣе было убѣдиться, что въ Россіи, у насъ, въ

Ярославской губерніи, злобы будничной жизни не препятствуютъ сельскому населенію воспринимать произведенія мысли и стремиться къ познанію твореній народнаго русскаго генія.

Въ Ярославлѣ, уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, основано, старѣйшее послѣ Московскаго университета, высшее учебное заведеніе, Ярославскій лицей, и въ томъ же Ярославлѣ 150 лѣтъ тому назадъ положено основаніе русскому театру, этому могучему источнику просвѣщенія русскаго народа. Наконецъ, самое послѣднее слово въ дѣлѣ усвоенія сельскимъ населеніемъ благъ просвѣщенія и познаній, было сказано также въ Ярославскомъ краѣ. Въ немъ создался въ послѣдніе годы новый видъ отхожаго промысла, получившій наименованіе „жить въ переводчикахъ“. Родина его — Курбская и Ильинская волости Ярославскаго уѣзда. Крестьяне этихъ волостей, живя въ Петербургѣ и Кронштадтѣ и занимаясь торговлей колоніальнымъ товаромъ, желая обезпечить себѣ возможность самостоятельныхъ сношеній съ иностранными судовладѣльцами, стали сами изучать иностранные языки и многіе изъ нихъ въ настоящее время настолько свободно ими владѣютъ, что ведутъ уже совершенно непосредственно свои торговыя дѣла и свою корреспонденцію съ заграничными фирмами.

Слѣдуя по пути завѣтовъ Императора Петра Великаго, Ярославскій народъ не только учится у иностранцевъ но и стремится ихъ опередить.

Всѣ приведенныя выше данныя позволяютъ утверждать, что Ярославскій народъ уже приблизился къ тѣмъ ступенямъ развитія, съ высоты которыхъ открываются горизонты культурной жизни.—

Къ даннымъ о духовной жизни Ярославскаго населенія позвольте мнѣ добавить нѣсколько свѣдѣній объ экономическомъ его благосостояніи. Высокое значеніе Ярославля, какъ торгово-промышленнаго центра, установилось уже издавна. Черезъ 20 лѣтъ послѣ смутнаго времени и полнаго раззоренія Ярославля на города Россійскіе, для новой войны съ Польшей, была наложена „пятинная“ пошлина, Ярославль, по размѣрамъ уплаченнаго имъ оклада, оказался на третьемъ мѣстѣ въ Россіи, непосредственно слѣдуя за Москвой и Казанью, и занимая мѣсто выше Нижняго Нов-

города. О современномъ же благосостояніи Ярославскаго народа можно судить по даннымъ о ростѣ за послѣднее десятилѣтіе вкладовъ въ государственныя ссудо-сберегательныя кассы губерніи. Къ 1-го января 1902 г. въ кассахъ было вкладчиковъ 106 тысячъ, и сумма вкладовъ равнялась 17 милліонамъ, къ 1 января 1912 года число вкладчиковъ возросло до 180 тысячъ, а сумма вкладовъ до 36 милліоновъ.

Такимъ образомъ мрачная картина Ярославской жизни начала 17 столѣтія смѣнилась въ наши дни свѣтлой картиной высокаго духовнаго развитія Ярославскаго народа и его матеріальнаго благосостоянія. — Передъ собравшимися здѣсь, на наше торжество, представителями Москвы, Нижняго Новгорода, Костромы и другихъ областей Россіи мы можемъ свидѣтельствовать о томъ, что отъ славныхъ завѣтовъ своей исторіи не отступаетъ и современное поколѣніе Ярославцевъ, и что въ немъ, какъ и въ его предкахъ, счастливо сочетаются преданность историческимъ началамъ народной жизни съ неуклоннымъ стремленіемъ впередъ, къ знанію и просвѣщенію. Какъ и въ дни былые, самостоятельной и непрерывной работѣ на благо своей родины посвѣщаетъ Ярославскій народъ и тотъ родникъ силъ и дарованій, который бьетъ въ немъ живымъ ключемъ, и тотъ творческій духъ Великорусскаго племени, который во всей своей мощи сохранился въ Ярославскомъ народѣ. По примѣру своихъ предковъ, Ярославцы съумѣютъ и въ будущемъ не только умирать за родной край, но и жить для его блага и для блага всей русской державы, и если-бы неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ угодно было послать Россіи новыя испытанія, то Ярославцы, соединившись, по прежнему, съ своими братьями, сынами Ростово Суздальской области, вновь станутъ на защиту достоинства и чести Россіи и своимъ опытомъ, познаніями, испытаннымъ государственнымъ разумомъ и наличностію силъ экономическихъ съумѣютъ, еще разъ одолѣть своихъ враговъ и вновь возвеличить русскую землю и Царя Православнаго.

№ 4.

Проектъ устройства въ г. Ярославлѣ каменнаго архива, при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ Великой*).

Въ Государственную Камеръ Коллегію изъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи доношеніе: понеже по регламенту 44 главы велѣно книги документы дѣла учиненные регистратуры, когда оные три года въ канцеляріи и въ конторѣ лежали, потомъ въ архивъ съ распискою архиваріусу отдается, токмо изъ того изъяты суть особливые уставы, регламенты и всѣ тѣ документы и книги, которые въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и конторахъ для справки и правила ихъ всегда при нихъ имѣютъ быть. А по полученному Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію іюля 2 дня 1745 года указу велѣно: гдѣ городовые и протчіе казенные каменные и деревянные строеніи являться будутъ весьма уже ветхи и опасны, чтобъ не повалились и людей не подавило, въ тѣхъ мѣстахъ казенное каменное и деревянное строеніе, буде по усмотрѣнію губернаторовъ и воеводъ съ товарищи ту ветхость не допуская до паденія починить будетъ возможно; и на ту починку по исчисленію денежной

*) Московскій Архивъ Мин. Юст. Дѣло Камеръ-Коллегіи № 14, изъ вязки 177; л.л. 1—25.

казны невеликая сумма потребна, въ такомъ случаѣ имъ губернаторамъ и воеводамъ, не допуская до паденія стѣнъ или башенъ, починить. А буде тѣхъ обвѣтшалыхъ городовыхъ и протчихъ казенныхъ каменныхъ и деревянныхъ строеніевъ на выше объявленную по исчисленію небольшую сумму въ скорости починить будетъ не можно, и по усмотрѣнію тѣ каменныя строенія покажутся опасны, чтобъ не обвалились, и оныя опасныя мѣста разобрать. И разобранные каменные и протчіе матеріалы складывать въ удобныя мѣста, чтобъ впредь къ починкѣ тѣхъ строеніевъ могли быть годны и для того во оные работы употреблять содержащихся въ губерніяхъ и провинціяхъ колодниковъ съ заплатою онымъ на кормъ по указу, — гдѣ же столько колодниковъ сколикимъ числомъ опасные каменные строеніи разобрать будетъ не достаточно, нанимать въ прибавокъ работныхъ вольныхъ людей за подлежащую заплату. И какъ на выше объявленную малую починку и за разборъ ветхихъ строеній колодникамъ кормовые, а вольнымъ наемнымъ работникамъ деньги держать изъ наличныхъ въ губерніяхъ и провинціяхъ не положенныхъ въ статъ доходовъ. И сколько гдѣ на такіе казенные небольшіе въ выше показанномъ случаѣ нужды, починки или на разобраніе ветхаго чего денежной казны изъ неположенныхъ въ статъ доходовъ издержано будетъ, о томъ съ показаніемъ всего расходу порознь немедленно писать въ Статсъ-Контору, которой разсматривая, ежели тѣ деньги употреблены въ расходъ правильно о запискѣ въ расходъ давать ассигнаціи. Буде же въ которыхъ мѣстахъ казенные каменные и деревянные городовые и протчіе строеніи гдѣ ветхи и безъ починки тѣхъ ветхостей обойтится нельзя, о такихъ ветхостяхъ съ яснымъ обо всемъ показаніемъ, что чего порознь починить, и какихъ именно матеріаловъ, смѣтясь на сколько по цѣнѣ и мастерамъ за работу потребно, писать въ Камеръ-Коллегію, а той Коллегіи, разсматривая, представлять въ Правительствующій Сенатъ со мнѣніемъ. А въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи по справкѣ во учиненномъ во оной Канцеляріи іюня 5 дня 1753 году журналѣ записано: въ силѣ-де предписаннаго указа въ Ярославлѣ городовому каменному строенію опись учинена и въ Государственную Камеръ-Коллегію отправлена и требовано ко смотру архи-

тектуры Г'езеля, токмо не прислано, а понеже де въ городѣ Ярославлѣ у первыхъ въѣзжихъ въ городъ каменныхъ, называемыхъ Михайловскихъ воротъ, отъ ветхости половина упала, а другая ветха, да на берегу рѣки Которостли близъ воеводцкаго двора башня до половины развалилась же, а другая крайнѣ ветха, и уже къ одной сторонѣ и наклонилась отчего всегда не малая опасность, дабы оное ветхое зданіе не разрушилось и оттого мимо ходящихъ людей не подавило, того ради опредѣлено оную состоящую половину воротъ ветхость и половину-жъ ветхой башни такожъ и отпадшіе отъ башни жъ вольскихъ воротъ глыбы по силѣ выше предписаннаго Ея Императорскаго Величества Правительствующаго Сената, указа разобрать имѣющіеся въ Ярославлѣ казенными каменщиками и къ нимъ для работы посылать колодниковъ, и каменные и протчіе матеріалы класть въ близость того мѣста, гдѣ пристойно явиться, по которому опредѣленію означенная половина Михайловскихъ воротъ разобрана и кирпичъ складенъ въ недалѣнемъ отъ Канцеляріи разстояніи—и всѣ оные матеріалы хранятся подъ смотреніемъ состоящаго при острогѣ караула. А въ Государственную Камеръ-Коллегію іюля 23 дня того же 753 года представлено доношеніемъ и требовано указа для сохраненія разобраннаго кирпича, не повѣлено-ль будетъ *сдѣлать арсеналъ деревянный* и на постройку опредѣлить изъ какихъ доходовъ сумму; но на оное представленіе *указа не получено.* А по Ярославской Провинціальной Канцеляріи бывшіе отъ давнихъ лѣтъ рѣшенные дѣла, наряды, обревизованные разныхъ приходовъ и расходовъ книги, документы и вступившіе отъ ревизоровъ дѣла жъ и имянныя книги имѣются въ подъяческихъ покояхъ, отъ чего какъ по канцеляріи умножилась крайняя тѣснота и неудобность, такъ и отъ приходящаго людства опасно чтобъ чего въ такомъ случаѣ не утратилось, *а для архива* по самой необходимости хотя *каменное жъ, подлежащее для богадѣльни, мѣсто и занято* но самое тѣсное и неудобное къ тому жъ и въ самой близости отъ обывательскаго жилья. Да и на всей Ярославской Провинціальной Канцеляріи кровля и стропилы имѣются весьма ветхи и великая течь отъ чего бъ и каменные своды повредиться не могли. А полученнымъ же Ея Императорскаго

Величества изъ Правительствующаго Сената въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію мая 12 дня 1759 года указомъ велѣно: ежели гдѣ въ городахъ каменные и деревянные крѣпостные строенія, яко то башни и протчее, обвалились, или въ какую ветхость пришли, что отъ паденія ихъ людямъ опасность есть, то оныя, кои починкою содержать не можно и не въ вѣдомствѣ фортификаціи состоятъ, губернаторамъ и воеводамъ велѣть разбирать и употреблять отъ каменнаго строенія кирпичъ на починку казенныхъ церквей и богадѣленъ, и деревянное строеніе на дрова или куда заблагоразсуждено будетъ. И по резолюціи Ярославской Провинціальной Канцеляріи для осмотру и описи всѣхъ имѣющихся въ Ярославлѣ каменныхъ воротъ и башенъ, въ какомъ они состояніи находятся, посланъ былъ по инструкціи оберъ-офицеръ, который тѣмъ воротамъ башнямъ объявилъ при рапортѣ опись, въ коей между протчимъ значится, что изъ тѣхъ воротъ и башенъ многія пришли въ ветхость и къ стоянію никакой прочности нѣтъ, и изъ нихъ же въ Рубленомъ городѣ отъ Волги по берегу Которостли рѣки и дву башенъ по половинѣ упало, а третья и вся упала, а состоитъ только одна сторона, и та въ разсѣдинахъ, у двухъ же башенъ отъ Подзеленныхъ воротъ по половинѣ упало, а сверхъ того показанные придѣланные къ городовой башнѣ ворота и по осмотру Ярославской Провинціальной Канцеляріи оказались всѣ въ разсѣдинахъ, и отъ одного угла глыба отвалилась, и состоитъ великая опасность, чтобъ людей не подавило, кои непремѣнно надлежитъ разобрать. Къ тому жъ и на всей Ярославской Провинціальной Канцеляріи крышка весьма ветха, отъ чего происходитъ не малая течь. Того ради по указу Ея Императорскаго Величества въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи *опредѣлено* въ силу Генеральнаго Регламента и полученнаго изъ Правительствующаго Сената 1745 году *казенной каменной архивъ построить* и для лучшей удобности и близости *прикласть* оной къ *канцелярскому лѣвому крылу*, изъ чего, какъ постройкѣ изъ лишняго убытка быть не можетъ, такъ и для безопасности лучшаго на то мѣста сыскать не можно; къ тому-жъ вмѣсто четырехъ могутъ быть три стѣны, чего ради какъ для справокъ ближайшій переходъ, такъ и особливаго кара-

ула быть не можетъ, ибо оный архивъ будетъ *въ видуТи входъ въ оный изнутри подъяческихъ* покоевъ. И для того на оную постройку архива употребить означенной разобранной Михайловской башни сколько годнаго явится кирпичу да къ нему въ прибавокъ отъ дву башенъ, что отъ Подзеленныхъ воротъ, которые разобраны быть могутъ имѣющимися въ Ярославлѣ записными кирпищиками съ придачею къ нимъ въ прибавокъ изъ содержащихся въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи колодниковъ, употребляя на каждый день кормовыя деньги. А по учиненнымъ публикамъ въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи явился издѣланію вновь при оной Канцеляріи каменной архивы Ярославскаго уѣзда городского стану вотчины полковника Ильи Васильева сына Ржевскаго деревни Хрептова крестьянинъ Евдокимъ Гавриловъ и сказалъ, *что противъ учиненнаго въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи плану* пристроить онъ при оной Канцеляріи архиву кромѣ кирпича и бута (которое какъ выше значитъ изъ разобранныхъ ветхихъ башенъ будетъ) желаетъ, а что сверхъ онаго къ той постройкѣ потребно тесу, бревенъ, драни и на кровлю всей Канцеляріи лубья, извести, песку, желѣза, гвоздей, печь, оконницъ, стеколчатыхъ и протчихъ матеріаловъ, то онъ, Гавриловъ все исправитъ изъ своего кошту. И за оные матеріалы и работнымъ людямъ за работу возметъ онъ *шесть сотъ рублевъ*, а менѣе де оной цѣны не возметъ и впредь съ охочими людьми торговаться не будетъ, а въ дѣйствительномъ всего онаго исправленій надежныхъ порукъ по себѣ представить не имѣетъ, кромѣ де его другихъ охочихъ людей къ тому исправленію чрезъ многія публикаціи никого не явилось. Того ради о выше писанномъ Государственной Камеръ-Коллегіи Ярославская Провинціальная Канцелярія, симъ представя о постройкѣ и на дачу за разбирку и возку кирпича работникамъ за неимѣніемъ при оной Ярославской Канцеляріи архива вновь онаго такожъ и кровли и объ ассигнованіи на то строеніе денегъ, требуетъ повѣлительнаго Ея Императорскаго Величества указа. А о учиненной той постройкѣ *планъ на разсмотрѣніе приложенъ при семъ*. Мая 2 дня 1761 года. *Полковникъ Иванъ Шубинъ Большой*. Коллежскій асессоръ Иванъ Толбухинъ.

Въ Государственную Камеръ Коллегію изъ Московской

Губернской Канцеляріи рапортъ: Во оную Губернскую Канцелярію Ярославская Провинціальная Канцелярія доношеніемъ представляла, по Ярославской де Провинціальной Канцеляріи бывшіе отъ давнихъ лѣтъ рѣшенные дѣла, наряды, обревизованные разныхъ приходовъ и расходовъ книги, документы и вступившіе отъ ревизоровъ дѣла жъ и именныя книги имѣются въ подъяческихъ покояхъ, отъ чего какъ по Канцеляріи умножилась крайняя тѣснота и не удобность такъ и отъ приходящаго людства опасно, чтобъ чего въ такомъ случаѣ не утратилось, а для архива по самой необходимости хотя каменное подлежащее для богадѣльни мѣсто и занято, но самое тѣсное и неудобное къ тому жъ и въ самой близости отъ обывательскаго жилья. Да и на всей Ярославской Провинціальной Канцеляріи кровля и стропила весьма ветхи, и великая течь отъ чего бъ каменные своды повредиться не могли, чего ради въ той провинціи опредѣлено казенный каменный архивъ пристроить и для лучшей удобности и близости прикласть къ канцелярскому лѣвому крылу, изъ чего, какъ постройкѣ излишняго убытка быть не можетъ, и лучшаго на то мѣста сыскать не можно, къ томужъ мѣсто четырехъ могутъ быть три стѣны, и на ту постройку употребить разобранной изъ Михайловской башни, сколько годнаго явится кирпичу, да къ нему въ прибавокъ отъ дву башенъ, что отъ Подзеленныхъ воротъ, которые разобраны быть могутъ имѣющимися въ Ярославлѣ записными кирпищиками съ придачею къ нимъ въ прибавокъ изъ содержащихся въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи колодниковъ, употребляя на каждый день кормовыя деньги. А по учиненнымъ публикамъ въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи явился къ издѣланію вновь при той Канцеляріи каменной архивы Ярославскаго уѣзду городского стану вотчины полковника Ильи Ржевскаго деревни Хрептова крестьянинъ К. Евдокимовъ Гавриловъ и сказалъ что противъ учиненнаго въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи плану пристроитъ онъ при оной Канцеляріи архиву кромѣ кирпича и бута желаетъ, а что сверхъ онаго къ той постройкѣ потребно тесу, бревенъ, драни и на кровлю всей Канцеляріи лубья, извести, песку, желѣза, гвоздей, печей, оконницъ стекольчатыхъ и протчихъ матеріаловъ, что онъ Гавриловъ все исправитъ изъ своего

кошту. И за оные матеріалы и работнымъ людямъ за работу возьметъ онъ шестьсотъ рублевъ, а менѣе той цѣны не возьметъ и впредь съ охочими людьми торговаться не будетъ, кромѣ жъ его другихъ охочихъ людей къ тому исправленію чрезъ многіе публики никого не явилось, о чемъ въ Государственную Камеръ-Коллегію съ требованіемъ указа о постройкѣ за неимѣніемъ при Ярославской Канцеляріи кровли и объ ассигнованіи на построеніе и на дачу за разбирку и возку кирпича, работникамъ денегъ представлено доношеніе и требовала, чтобъ о томъ по сношенію съ Камеръ-Коллегіей въ Ярославскую Канцелярію опредѣлить указомъ. А по справкѣ съ губерній по регламенту Камеръ-Коллегіи и по указу Правительствующаго Сената февраля 27 дня сего 1761 году крестьянъ въ откупы и подряды допущать не велѣно, о казенныхъ же строеніяхъ велѣно присылать смѣты съ чертежами. Того ради по указу Ея Императорскаго Величества въ Московской Губернской Канцеляріи опредѣлено въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію послать указъ и велѣть о постройкѣ при оной Канцеляріи для поклажи дѣлъ каменной Архивы и о сдѣланьи вмѣсто ветхой на оной Канцеляріи кровли вновь, сколько къ тому какихъ матеріаловъ потребно и работнымъ людямъ за работу дать надлежитъ, учинить смѣту *и планъ* и съ показаніемъ въ той смѣтѣ подлежащимъ къ тому строенію матеріаламъ продажныхъ въ томъ городѣ цѣнъ и положенной на такія строенія суммы, сколько на лицо состоитъ прислать въ губернію къ разсмотрѣнію въ скорости. А не явиться ли къ тому исправленію съ уступкою противу смѣты изъ купечества охочія люди, о томъ въ Ярославлѣ и въ приписныхъ ко оному городахъ публиковать, и съ желающими людьми произведя по силѣ регламента Камеръ-Коллегіи торги, и за кѣмъ послѣдняя цѣна состоится, не заключая контракта въ губернію со мнѣніемъ представить. *Чего жъ ради та провинція* не учиня о томъ строеніи смѣты и не приложа *плана* въ губернію также и въ Государственную Камеръ-Коллегію, *минуя свою команду*, представляла. О томъ для положенія штрафа отвѣтствовать того ради Государственной Камеръ-Коллегіи Московская Губернская Канцелярія симъ во извѣстіе репортуетъ. 8 октября 1761 года.

1764 году іюля 13-го дня въ собраніи Камеръ-Коллегіи докладывано, что въ прошломъ 1761-мъ году мая 16 да октября 9-го числа присланными во оную Коллегію Ярославская Провинціальная доношеніемъ, а Московская Губернская Канцеляріи рапортомъ представляли: 1-мъ Ярославская: во оной де Провинціальной Канцеляріи бывшіе отъ давнихъ лѣтъ рѣшенныя дѣла, наряды, обревизованные разныхъ приходовъ и расходовъ книги документы и вступившіе отъ ревизор въ дѣла жъ и именныя книги имѣются въ подъяческихъ покояхъ, отъ чего де какъ по Канцеляріи умножилась крайняя тѣснота и неудобность, такъ и отъ приходящаго людства опасно, чтобъ чего въ такомъ случаѣ не утратилось, а для архивы по самой необходимости хотя каменное жъ подлежащее для богадѣльни мѣсто и занято, но самое тѣсное и неудобное къ тому жъ и въ самой близости отъ обывательскаго жилья да и на всей Ярославской Провинціальной Канцеляріи кровля и стропила весьма ветхи, и великая течь отъ чегобъ и каменные своды повредиться не могли, и въ той де Провинціальной Канцеляріи опредѣлено казенный каменный архивъ построить, и для лучшей удобности и близости прикласть оный къ канцелярскому лѣвому крылу, отъ чего де какъ въ постройкѣ излишняго убытка быть не можетъ, такъ и для безопасности лучшаго на то мѣсто сыскать не можно, къ тому жъ вмѣсто четырехъ можетъ быть три стѣны, и для того на оную постройку употребить отъ разобранной Михайловской башни сколько годно явится кирпича, да къ нему въ прибавокъ о дву башенъ, что отъ Подзеленныхъ воротъ, которыя разобраны быть могутъ. А по учиненнымъ де публикамъ въ той Провинціальной Канцеляріи явился къ сдѣланію вновь каменной архивы Ярославскаго уѣзда вотчины полковника Ильи Ржевскаго деревни Хрептовой крестьянинъ Евдокимъ Гавриловъ и сказалъ, что противъ учиненнаго въ той провинціальной канцеляріи плану построитъ онъ при канцеляріи архиву, кромѣ кирпича и бута, которое изъ разобранныхъ ветхихъ башенъ будетъ, желаетъ, а что сверхъ онаго къ той постройкѣ потребно тесу, бревенъ, драни и на кровлю всей Канцеляріи лубья, извести, тесу, желѣза, гвоздей, печей, оконницъ стекольчатыхъ и протчихъ матеріаловъ, то онъ, Гавриловъ, все ис-

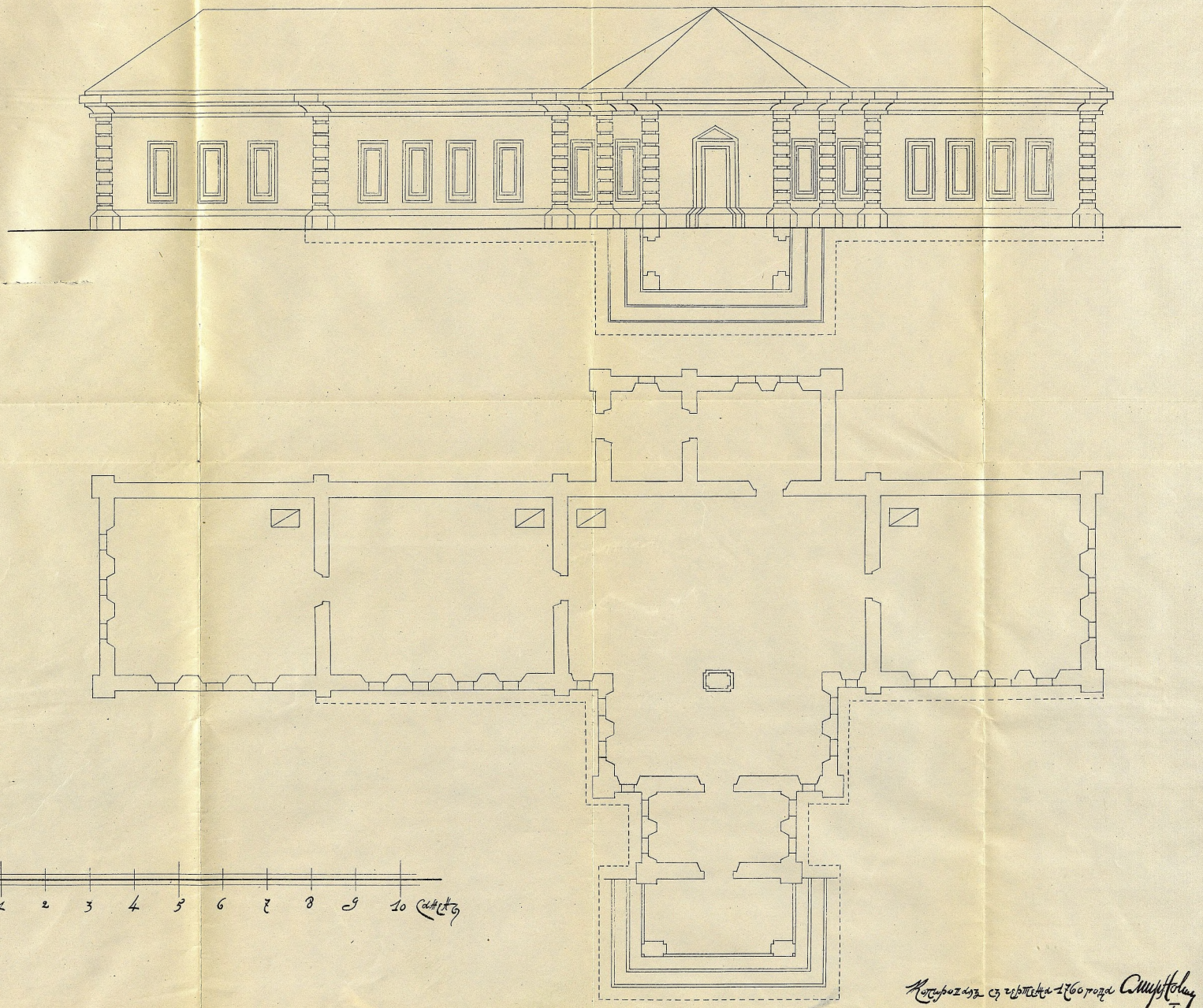
правитъ изъ своего кошту. И за оные матеріалы и работнымъ людямъ, за работу возметъ онъ шестьсотъ рублевъ, а менѣе не возметъ и торговаться не будетъ, кромѣ-жъ того другихъ охочихъ людей къ тому исправленію черезъ многія публикаціи никого не явилось. И тѣмъ доношеніемъ о постройкѣ за неимѣніемъ архива вновь тако жъ и кровли и объ ассигнованіи на то строеніе и на дачу за разбирку и возку кирпича работникамъ денегъ требовано указу. 2-мъ Московская Губернская Канцелярія: по прописаніи присланнаго въ ту Канцелярію Ярославской Провинціальной Канцеляріи такого жъ доношенія во оную де Провиціальную канцелярію посланъ указъ, велѣно о постройкѣ при оной Канцеляріи для поклажи дѣлъ каменной архивы и о здѣланіи вмѣсто ветхой на оной Канцеляріи кровли вновь, сколько къ тому какихъ матеріаловъ петребно и работнымъ людямъ за работу дать надлежитъ, учинить смѣту и планъ съ показаніемъ къ той смѣтѣ подлежащимъ къ тому строенію матеріаламъ продажныхъ вътомъ городѣ цѣнъ и положенныой на такія строенія суммы, сколько на лицо состоитъ, прислать въ губернію къ разсмотрѣнію въ скорости. А не явиться-ль къ тому отправленію съ уступкою противъ смѣты изъ купечества охочіе люди, о томъ въ Ярославлѣ и въ приписныхъ ко оному городахъ опубликовать, и съ желающими людьми произведя по силѣ регламента Камеръ Коллегіи торги и за кѣмъ послѣдняя цѣна состоится не заключая контракта, въ губернію со мнѣніемъ представить. Чего жъ ради та провинція, не учиня о томъ строеніи смѣты и не приложа плана въ губернію, также и въ Камеръ Коллегію, минуя свою команду, представляла о томъ для положенія штрафа отвѣтствовать. И въ прошломъ 1762 году апрѣля 16-го числа по опредѣленію Камеръ Коллегіи и по посылаемому въ Московскую Губернскую Канцелярію указу велѣно означенную смѣту и планъ *истребовать отъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи безъ продолженія* и при томъ велѣть той канцеляріи изъяснить, насколько именно разстояніемъ городового строенія и башенъ развалилось и коликое число камня, кирпича и желѣза выбрано. И ежели то городовое строеніе въ прежнее состояніе привести, то что въ прибавокъ къ старымъ новыхъ и какихъ именно матеріаловъ потребно, по какимъ

справедливымъ цѣнамъ и надлежитъ де то городовое строеніе исправить или оное для какихъ резоновъ безъ починки оставить слѣдуетъ; и для лучшаго усмотрѣнія всему тому городовому строенію оной Провинціальной Канцеляріи приложить чертежъ. И получа все оное, Московской Губернской Канцеляріи разсмотрѣть и съ своимъ мнѣніемъ представить въ Коллегію немедленно. А въ прошломъ *1763 году октября 2 дня* въ присланномъ Правительствующаго Сената изъ Конторы въ Камеръ Коллегію указѣ между протчимъ написано: Правительствующаго Сената въ конторѣ по предложенію сенатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера князя Якова Петровича Шаховского, при которомъ *въ силу изъ устнаго ему Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнію* приложить присланное изъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи о постройкѣ подлѣ той Канцеляріи для сохраненія письменныхъ дѣлъ каменнаго архива съ приложеніемъ плана Камеръ Коллегіи и Московская Губернская Канцелярія мая 4-го дня 1762 года представляла съ показаніемъ, что охочіе люди за ту постройку просили нижнюю цѣну кромѣ кирпича и буту, который употребить можно изъ казенныхъ развалившихся башенъ шестисотъ рублевъ, по указу де не получила, а въ постройкѣ состоитъ крайняя нужда, то Камеръ Коллегіи и Московской Губернской Канцеляріи подтвердить, что о томъ въ силу указовъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинено было въ непродолжительномъ времени. И того жъ октября 6-го дня 1763 года въ Камеръ Коллегіи опредѣлено и по подленному въ Московскую Губернскую Канцелярію указу велѣно въ силу означеннаго прежде подлиннаго изъ Камеръ Коллегіи въ ту Канцелярію указу о постройкѣ въ Ярославлѣ вновь каменнаго архива и надъ канцеляріею кровли буде по нынѣ отъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи смѣты плана и принадлежащаго къ тому изъясненія къ истребованію для взятія онаго послать нарочнаго, и какъ получены будутъ по онымъ немедленно разсмотря, съ приложеніемъ своего мнѣнія въ Коллегію представить въ самой скорости. А чего ради прежде по тому посланному указу объ ономъ по нынѣ разсмотрѣнія и въ Коллегію представленія и учинено, о томъ подать въ Коллегію отвѣтъ, точно, что по тѣмъ подлиннымъ указамъ

во оной Губернской Канцеляріи учинено, въ Коллегію и по нынѣ не представлено, приказали *Московской Губернской Канцеляріи*, ежели въ ту Губернскую Канцелярію о слѣдующемъ къ постройкѣ въ Ярославлѣ вновь каменнаго архива и протчаго планъ и смѣта изъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи присланы, то по тѣмъ надлежащее въ силу указовъ разсмотрѣніе и въ Коллегію представленіе учинить *въ самой крайней скорости*, есть ли же о томъ строеніи въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи плановъ и смѣты по нынѣ еще не прислано, то для взятья оныхъ на коштѣ той Провинціальной Канцеляріи отправить нарочною и по присылкѣ разсмотрѣніе и въ Коллегію представленіе учинить безъ продолжительно. Подлинной за подписаніемъ Каморъ Коллегіи Господъ Присутствующихъ подписанъ іюля 30 дня 1764 года.

1792 года августа 13 дня Камеръ Коллегіи Департамента въ журналѣ записано подъ № 12-мъ: докладывано по дѣлу, производившемуся въ бывшей Камеръ Коллегіи въ 1761 году по доношенію Ярославской Провинціальной Канцеляріи о постройкѣ тамъ для поклажи дѣлъ каменной архивы и на оное Канцеляріи вмѣсто ветхой вновь кровли, почему отъ Коллегіи Московской Губернской Канцеляріи и велѣно объ ономъ строеніи истребовать отъ Ярославской канцеляріи планъ и смѣту, разсмотрѣть и съ своимъ мнѣніемъ представить въ Коллегію *токмо не представлено* приказали: какъ оное дѣло резолюцій департамента не требуетъ, то его *и отдать* съ протчими *въ Московскій Губернскій Архивъ* по надлежащему и о томъ ко исполненію съ сего пункта дать копію подлинной за подписаніемъ Камеръ Коллегіи Департамента Господъ Присутствующихъ, Надворныхъ Совѣтниковъ: Сергѣя Хитрово, Петра Бланка за скрѣпкою въ должности серкретаря Протоколиста Петра Плишкина. Протоколистъ Петръ Конастьевъ.

Проектъ постройки каменнаго архива въ Ярославлѣ въ 1760 годѣ.



Построенъ съ чертежа 1760 года Смирновъ 1913.